

Мансуров Андрей

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

"Капризная с-сука!.."

Фантастическая трагикомедия

Андрей Мансуров
Капризная с-сука!..

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мансуров А. А.

Капризная с-сука!.. / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Научная экспедиция, вернувшаяся домой спустя почти сто лет, обнаруживает, что на Земле произошла катастрофа глобальных масштабов: на поверхности нет ни одного живого существа, крупнее амёбы. А поскольку исследование атмосферы показывает, что неизвестные вирусы, убившие всех, ещё живы, ни о каком "возвращении домой" речи нет. Зато перед экипажем встаёт задача возрождения Человечества. А это возможно только с единственной представительницей противоположного пола, чудом сохранённой в крио-саркофаге на Луне. Проблема лишь в том, что разбуженная женщина... Этого не хочет! А уж о том, что теперь «скучной» и «размеренной» жизнь экипажа вернувшегося космолёта назвать ну никак нельзя, можно и не упоминать... Но удастся ли всё же космонавтам возродить Человечество?!..Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. «NO!»	5
2. Пересуды	12
3. «Чудесная» находка.	20
4. Завещание	29
5. Технические проблемы	36
6. Пробуждение	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Мансуров

Капризная с-сука!..

1. «NO!»

Прежде чем начать, капитан Пауэлл дал присутствующим снова вволю проникнуться, если можно это так назвать, мрачным смыслом, имевшимся в огромных буквах на центральном мониторе. Проникнуться окончательно и бесповоротно. Уложить в сознание и усвоить. Хотя он не сомневался, что видели все его подчинённые эту лаконичную надпись уже много, много раз. Не говоря уж о том, что наверняка достаточно долго и эмоционально между собой обсуждали.

Но одно дело – обсуждать и высказывать разные версии... .

И совсем другое – выслушать наконец *официальную* позицию руководства экспедиции. Предопределяющую их дальнейшие действия!

Поэтому сейчас, перед началом давно назревшего и явно неприятного и напряжённого разговора, надпись казалась особенно зловещей, и не могла не угнетать и не заставлять: кого-то – вздыхать, кого-то – чесать затылок, а кого-то и скрежетать зубами.

В заполненной фактически под завязку кают-компания стояла почти абсолютная тишина, если не считать пощёлкивания реле калорифера, шелеста воздуха, поступавшего из системы кондиционирования, и мерного басовитого гула из-под пола: работали неутомимые насосы, прогонявшие жизненно важные жидкости по системам охлаждения, жизнеобеспечения и водоснабжения. В воздухе, как всегда, стоял слабый запах озона, подаваемый автоматами в помещения, где собралось много людей. Дезинфекция...

Капитан поджал губы: пожалуй, достаточно держать людей в напряжении – пора приступить к разговору. Потому что никто уже не смотрел на надпись, а все собравшиеся офицеры и специалисты, электрики, компьютерщики, техники, физики, криотехники, нанокрибернетики, врачи, биологи, и все остальные, переглядывались, или молча смотрели на него. И взгляды эти казались довольно мрачными.

Всё верно. Давно пора ситуацию – обсудить. Потому что дурацкие слухи и толки о его возможных решениях, и способах выхода из неё, уже поползли по экипажу.

Поэтому капитан Сигурд Пауэлл щёлкнул переключателем, и планета, как бы отъехав, вернулась к своему более привычному виду: уютный и приветливый отсюда, с высоты полутора тысяч километров, вождельный, но оказавшийся недоступным, словно локоть для укуса, шарик. С широкими синими пространствами-океанами, светло-рыжими пятнами островов, и полосами коричневой от почвы или песка, и зелёной от растительности, суши континентов. И невесомой пеленой ватно-белых облачков, закрывавших поверхность в некоторых районах у полюсов и на экваторе.

В просторном помещении находились, конечно, не все члены экипажа. Но дежурная вахта в машинном отделении, на мостике, в зале реактора, в трюме, и на насосной станции, в составе лейтенанта Джека Коллинза, сержанта Соломона Дрейка, второго помощника – старшего лейтенанта Алекса Харпера, инженеров Збигнева Честны и Владимира Якушева, и техника Малькольма Шмутца, могла следить за происходящим в кают-компания через имеющиеся там мониторы. И, разумеется, слушать через динамики. При необходимости отвечая или спрашивая через стационарные микрофоны.

Капитан Пауэлл сказал:

– Я собрал вас здесь, как вы уже, разумеется, догадались, чтоб прояснить для всех членов экипажа сложившуюся ситуацию, и озвучить официальную позицию руководства экспедиции.

То есть – мою и офицерского корпуса. И раскрыть, наконец, неприятную правду о перспективах нашего возвращения домой. На планету Земля. О которой, не сомневаюсь, многие уже догадались. А сейчас эти догадки подтверждены фактами. Предварительная разведка закончена, и мы перепроверили результаты. Сделали выводы. Но!

Они не окончательны.

Зонды, летавшие к поверхности, я на борт не вернул. Они так и висят там, снаружи «Пронзающего». В десяти милях от корабля. И вы все наверняка прекрасно понимаете, почему я *теперь* опасаюсь возвращать их в ангар. Доктор, прошу вас. – он обвёл сидевших перед ним специалистов и офицеров тяжёлым взором. Сел.

Неприятную обязанность подвести основные итоги «разведки» и изложить их, пришлось взять на себя со вздохом поднявшемуся криптозоологу, биологу, а по совместительству и главному координатору научных исследований экспедиции, доктору Йошидо Кимуру, делавшему анализ изображений, переданных зондами:

– Приветствую, капитан, приветствую, господа. – доктор невольно прокашлялся, стараясь, чтоб голос звучал громко и разборчиво, – В результате наших исследований статус биосферы планеты прояснён однозначно. Имеем мы там, внизу, на поверхности и в атмосфере, бактериальное, вирусное, и ещё какое-то заражение. Генно модифицированными вирусами, похожими на Ковид – девятьсот двенадцать. С очень высокой долей вероятности, при попадании в макроорганизмы, действующими как генетическое оружие.

Все эти, явно искусственно выведенные, вирусы, бациллы и бактерии однозначно создают смертельную угрозу для жизни *любых* существ крупнее амёбы. Собственно, там, внизу, не осталось ни единого живого, вот именно – макроорганизма, кроме тех же вирусов, бацилл и бактерий. Нет даже насекомых.

А что самое, на мой взгляд, страшное, так это то, что вирусы эти до сих пор живы-здоровы, и никакого стремления исчезнуть, умереть, или мутировать в безопасные формы и штаммы, не проявляют. И на борту нашего корабля нет средств для борьбы с ними.

У меня – всё.

Коротко глянув на Сигурда Пауэлла, Кимуру сел.

– Благодарю вас, профессор. – капитан, встав, снова обвёл всех тяжёлым взглядом, – Итак, жизни в привычном понимании этого слова на нашей родной планете не осталось. Бактериальное, вирусологическое, генетическое, и прочая и прочая, заражение сомнений не вызывает. Анализ, проведённый с помощью аппаратуры зондов, показал, что необычные виды вирусов, бактерий, бацилл и прочих микробов в атмосфере имеются. В больших концентрациях. Причём даже в самых верхних её слоях. Не говоря уже о том, что на поверхности всего этого добра – мягко говоря, полным-полно. А учитывая то, что возможности нашей лаборатории ни в какое сравнение не идут с тем, чем располагали земные специализированные лаборатории и ведущие специалисты крупнейших исследовательских Центров, думаю, вряд ли нам удастся вот так, сходу, выяснить. *Что* именно из всего этого безобразия убило всех, и людей, и животных, и даже насекомых, там, на поверхности планеты.

И пока я приказал не впускать на борт зонды с отобранными там, внизу, пробами, потому что...

Просто боюсь!

И тоже полагаю, что *наших* средств дезинфекции их наружной оболочки может оказаться, как справедливо указал уважаемый профессор, недостаточно, чтоб гарантированно уничтожить всю эту заразу. Наверняка им, этим специализированным супер-мутантам, и вакуум, и космический холод, и жёсткое излучение солнца – нипочём.

Такие... Хм-м... *Устойчивые* штаммы были известны, ещё когда мы улетали. Их, собственно, с таким прицелом и вывели – сделав суперприспособляемыми и суперживучими. И

способными, мутировав – подстроиться к заражению любых существ, и обходить защиту, и оставаться невосприимчивыми к любым вакцинам, антителам, и лекарствам.

Пауэлл снова замолчал, ещё раз обведя всех тяжёлым взглядом. Руку поднял старпом. Капитан кивнул: уж на его поддержку и понимание ситуации он рассчитывать мог:

– Прошу, первый помощник.

– Думаю, в данной ситуации это – единственно верное решение, капитан, сэр. И предусмотрительное. Двумя зондами можно и просто пожертвовать – у нас на борту ещё восемь хранятся. – старший лейтенант Эндрю Гопкинс, первый помощник, ведавший заодно и всеми материальными ресурсами экспедиции, говорил спокойно, но голос его чуть подрагивал, – Ведь не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтоб догадаться: раз нет следов применения апокалипсического, то есть, сверхразрушительного, оружия, вроде ядерного, термоядерного, или субмолекулярного, и никакой ядерной зимы не наблюдается, следовательно все живые существа на планете уничтожены именно особо специализированным биологическим компонентом. Ну, или химическим. Или ещё каким, но схожего действия. Убивающим только все *живые* существа. Но не оставляющим разрушений.

– Ну, не совсем всё же так. – доктор Йошидо моргнул, не вставая обернувшись к помощнику, – Растения, то есть, деревья, трава, фитопланктон, там, в океанах – тоже ведь принадлежат к живым организмам. А они остались практически незатронутыми пандемией. И уже успели неплохо потрудиться в плане уничтожения всякой техногенной дряни, вроде токсичных выбросов ТЭС, или заводов. Воздух чист. Я бы даже сказал – кристально чист: ни сажи, ни токсичных выхлопов. Ну, если не считать, вот именно – биологической составляющей в виде бактерий, вирусов, и микробов. Большую часть из которых я просто не могу идентифицировать. Не было их в природе, когда мы улетали!

Собравшиеся в кают-компании отреагировали на эти общие, логически следовавшие из ситуации, и наверняка много раз обсуждавшиеся за время полёта и выхода на орбиту, факты, по разному: инженеры Ташизаки и Мастерс переглянулись, иронически улыбаясь друг другу, техник по холодильному оборудованию Джон Картрайт остался как всегда сидеть с непроницаемым лицом игрока в покер, старший по реакторному отсеку, техник Рашид Дассаев, почесал в затылке, ядерщик Хуан Санчес нарочито громко хмыкнул, ещё кое-кто покивал. Общее мнение высказал лейтенант Макс Иверсен, штурман:

– Позвольте, сэр? Мы... понимаем сложность ситуации, сэр. Но что бы ни произошло там, на поверхности, за те восемьдесят восемь лет, пока нас не было, что-то же вначале случилось! Что привело вот... К этому! Глобально-летальному безобразию!

В результате которого население наверняка отлично поняло и осознало, что никто из них там, внизу, не выживет. И ещё, к нашему счастью, кто-то умный понимал, что кто бы ни вернулся сюда из отправленных незадолго до катастрофы в дальнюю разведку экспедиций, справиться с созданной здесь сверх-убийственной заразой этим экипажам будет не под силу. Раз уж с ней не справились земные, вот именно – *самые* продвинутые и искушённые в этом плане, учёные.

Поэтому о нас и позаботились. Сделали надпись.

Кстати, сэр. Как именно она сделана?

– Да, верно. Я не сказал. Спешу исправить эту оплошность, – Пауэлл кивнул, – Зонды отсняли всё вблизи. Сделана надпись *очень* трудоёмким способом. Зато – очень долговечным, как показывает пример тех же Египетских пирамид. Нет никаких сомнений в том, что сделали её роботы и роботехника – погрузчики, бульдозеры и самосвалы с автопилотами на борту. Сами буквы имеют в длину более ста метров, ширину – двадцать, высоту – десять. И состоят из гравия, галечника, и крупных скальных обломков. Сверху выкрашенных белой краской.

Впрочем, для выяснения этого не обязательно было посылать зонды: всё видно и так, с нашей теперешней орбиты. На то и существует компьютерная обработка. – капитан вернул

надпись на экран, укрупнив буквы ещё больше, и огромное предупреждение «NO!» вновь возникло в центре экрана, – А поскольку в пустыне Наска никогда не бывает дождей, или песчаных бурь, и облачность в этом районе крайне редка, останется эта надпись там... Неограниченно долго. И видно её даже с орбиты будет отлично. И пусть краска и сотрётся со временем, но не заметить такую масштабную постройку даже с не столь «продвинутой» оптикой, как у нас, просто невозможно!

Стало заметно, что белые буквы, постепенно приближавшиеся к зрителям, и выделявшиеся на фоне буро-серой поверхности отлично, и правда – сделаны из отдельных каменных блоков и кусков неправильной формы, насыпанных высоченными горами-холмами, и покрыты чем-то белым, пока ещё действительно не стёртым с поверхности камней неумолимыми ветрами высокогорного плато. Рядом с буквами застыли, словно стражи в вечном карауле, титанических размеров механизмы: погрузчики, бульдозера... Самосвалы. Похожие на карьерные – грузоподъёмностью не менее пятисот тонн.

– Высока, как мне кажется, вероятность того, что хотя бы в первое время кто-то за этими масштабнейшими работами присматривал. – голос подал заведующий компьютерным блоком, и главный расчётчик параметров полёта и орбит, Натан Ашкензон, программист высшей категории, – Иначе даже роботы, или ИИ могли бы чего упороть. Ведь нужно было всё предусмотреть, наладить добычу обломков из взрываемых окрестных скал, их погрузку, вывоз, формирование букв. Логистика должна быть просто дикой! И такие дела нельзя распланировать и задать какой-то универсальной программой, жёстко и сразу! Это действительно говорит о том, что умерли они все, всё же, не внезапно. А по-крайней мере за несколько... Дней? И, вероятней всего, к тому моменту уже и правда – отлично понимали, что справиться с проблемой вымирания всего населения не смогут.

– Да, похоже, именно так всё и обстояло. – вставший доктор Йошидо Кимура моргнул, других проявлений эмоций на его плоском и как обычно невыразительном лице не отразилось, – Смерть всех этих заражённых действительно *не* была внезапной. Или для них неожиданной. Иначе скелеты валялись бы буквально везде. Но они находятся преимущественно в своих квартирах и домах. То есть, погибшие отлично понимали, что они неизбежно умрут. И умирают. И надеяться не на что. Следовательно, ещё какое-то время после заражения... Или отравления – оставались работоспособны. И могли мыслить.

В-принципе, примерно такая же ситуация имелаась лет сто семьдесят назад, при вспышке самой первой модификации коронавируса. Но тогда создать лекарство, и разработать вакцину, к счастью, успели. Да и летальные исходы составляли не более трёх процентов от числа заражённых.

– Капитан, сэр! – ожил динамик трансляции: это голос подал сержант Соломон Дрейк, начальник бригады мотористов, – А как же Станция на Луне? Ведь чем бы не отравились... Ну, или не заразились те бедняги, что покоятся – мир их праху! – сейчас внизу, эта зараза... Или токсин – не могли ведь распространиться через вакуум! Значит...

– Ничего это не значит, Соломон. – на вопрос ответил младший лейтенант Кейт Астон, главный связист и радиотехник, – Иначе они ответили бы на наши запросы. Но все три дня, пока мы подлетали, в радиоэфире царило... не сказать, что полное молчание... Ретрансляционные спутники несущую волну поддерживают. Только...

Никаких сообщений или ответов от *живых* не было. Сплошная автоматика. Со спутников непрерывно транслируются данные о погоде, навигационные сигналы систем Джипиэс, несущая частота для трансляции телевизионных каналов. Вот только исходящей картинке телецентров нет. С поверхности не передаётся ни-че-го. Это я про Землю. А с Луны вообще нет никаких, в том числе даже автоматических, сигналов.

– Более того. – Пауэлл нашёл нужным окончательно расстроить несбыточные мечты, – Если вспомнить, Станция на Луне и при нас целиком и полностью зависела от поставок с

Земли. Кислород, вода, пища... Насколько я помню, когда мы улетали, у них ещё не было даже оранжереи, или помещений для нашей любимой хлореллы. Своя у них имелась только электроэнергия – солнечные батареи и миниреактор. И, тем не менее, это – вот именно, наша последняя надежда. И возможность.

Узнать, что там, дома, произошло. – он заставил себя перестать играть желваками на скулах, – Не сомневаюсь, что какое-то время они, то есть, дежурная смена учёных на Станции, поддерживали связь с... э-э... погибающими. И прожили после Катастрофы достаточно долго, чтоб принять какие-то... Решения. И записать всё происходившее. Хотя бы в вахтенный журнал. И внести в память компьютеров.

Потому что запасов кислорода, насколько я знаю, на Станции имелось максимум на два года. И продуктов – на год.

– Ну, продукты-то можно, при разумной экономии, растянуть, сэр, – это, как всегда немного растягивая слова, высказался сержант Лютер Вайс, кок-диетолог, – Но вот кислород... Его ведь можно, вроде, добывать и из воды, сэр? Электролизом. Раз электроэнергия есть. А вода... Я слышал, имелась и там, на Луне? Где-то под почвой?

– Верно, сержант Вайс, вода там кое-где имелась. Но – не в районе Станции. Её ведь поэтому так и строили – на монолитном базальтовом плато, чтоб случайно не разрушили никакие лунотрясения, или просадки сыпучих грунтов. Так что с водой... Впрочем, зачем гадать. Зонды номер три и четыре показали чётко и однозначно: лунная Станция находится там же, где находилась, когда мы улетали. И внешне выглядит... Неповреждённой. – капитан вывел нажатием кнопки изображение Станции на главный экран, – Во-всяком случае, с высоты километра. Но и – абсолютно необитаемой. Нет даже навигационных огней. Молчат и радиомаяки для автонаведения грузовых и пассажирских ракет.

Следовательно, прежде чем окончательно что-то по поводу нашего статуса и дальнейших действий решать, нам в любом случае придётся посетить это последнее прибежище человечества. Ознакомиться с тем материалом, который наверняка поступал к ним в процессе... э-э... агонии нашей цивилизации. Нам нужно узнать. Точно узнать.

Сможем ли мы вернуться на родину...

Хоть когда-нибудь!

Збигнев Честны, главный инженер технических коммуникаций, не пошёл в свою каюту после окончания вахты, практически совпавшего с завершением расширенной чрезвычайной планёрки, как это дело обозначил до её начала капитан Сигурд Пауэлл. Вместо этого Збигнев направился в тренажёрный зал. Однако спокойно, в гордом одиночестве, «покачать железо», как он было собирался, чтоб успокоить взвинченные нервы, не получилось: туда же заявился и младший лейтенант Джером Гастингс, третий пилот.

– Привет, Збигнев.

– Здравствуй, Джи.

После привычного обмена приветствиями они расселись и разлеглись на выбранных снарядах: Честны собирался качать дельтавидные мышцы, Джером – икры.

Минут пять царило напряжённое молчание, если не считать усиленного сопения, скрипа блоков, и рычания: профессионалы предавались работе с максимальной отдачей. Первым остановился Джером. Дождался, пока закончит и Збигнев. После чего сказал:

– Херня всё это. Мне кажется, капитан специально сильно преувеличивает опасность. И если не посылает вниз, на Землю, челнок с первой партией учёных и техников, так не из боязни их заражения. А по каким-то другим причинам.

Ну не могла тут вся эта понасозданная хрень давным-давно не сдохнуть! Или попросту – не испариться, если это были яды! За восемьдесят-то лет!..

Збигнев отвечать не торопился. Вместо этого, отдуваясь, некоторое время делал вид, что старательно закрепляет на тренажёре для пресса дополнительный блин. Тон его, когда всё же ответил, оптимизмом не лучился:

– Хрень запросто могла *не* сдохнуть. Может, конечно, я не Йошидо, но кое-что в биологии понимаю. Есть такие организмы – ну, микроорганизмы! – которые и в виде спор, и в виде цист, да и в нормальном состоянии могут запросто жить, что в жерлах подводных вулканов, при температуре плюс четыреста, что в космическом вакууме, при минус двухста: в далёком двадцать первом веке такие сверхстойчивые штаммы впервые обнаружили на наружной поверхности какой-то там орбитальной космической станции. И они там вполне себе процветали. Так что в этом пункте я с капитаном согласен. Поскольку при нормальной-то, комнатной, температуре выжить всему этому дерьму – как два пальца обо...ать!.. Что же до ядов...

Они, конечно, могли и испариться, и разложиться...

Что не гарантирует поступления их новой порции из какой-нибудь хитрой автоматической ловушки, когда какой-нибудь идиот спустится и попробует пошарить по опустевшим улицам! Система «мёртвая рука»!

Так что нефига нам туда, вниз, соваться, пока точно не будем *знать*, что там произошло. Или у тебя просто руки чешутся подержаться за штурвал посадочного модуля? – Честны наконец посмотрел в глаза Джерома. Убеждённость в своих словах там определённо имелась. Джером, дёрнув щекой, буркнул:

– Да, я про такое дело тоже слышал. Ну, минимум-то знаний по биологии... И тактике партизанской войны, и систем адекватного ответа на нападение, впихивают и в нас, вояк. Но ты не останавливайся – я же вижу, что ты не закончил мысль.

– Верно. Не закончил. Вот что значит жить тесной замкнутой кучкой целых восемнадцать лет. – Збигнев невольно усмехнулся, пожав плечами, – Я хотел сказать и вот ещё что. Неприятное и фатальное.

Как мне лично представляется, самое страшное – так это то, что прервётся на нас... Ну, и тех бедолагах, что прилетят сюда через десять, пятнадцать, сорок два, и сколько там им ещё положено, лет, Род Людской. Если только не найдём каких выживших из наших где-то тут, в космосе... Ну, или не обнаружим какой спутник... Или корабль – с Хранилищем зародышей людей. Или эмбрионов в анабиозе. Здесь же. В космосе.

Потому что нет и у нас, и у тех, кто вернётся позже нас, никаких средств... да и просто – знаний, чтоб побороть ту наверняка специфическую и крайне стойкую мерзость, что понавыдумывали тут проклятые яйцеголовые в белых халатах!

– То есть, ты считаешь...

– Я *абсолютно* уверен. Что заказан нам путь домой. Навсегда.

И всё, что нам остаётся – это или заселить снова Станцию на Луне, перевезя туда наши запасы кислорода и всего прочего... И оборудовав там теплицы с баками хлореллы.

Ну, или просто жить (А, вернее – доживать!) здесь, на «Пронзающем Бесконечность». Ничего никуда не перевозя. И не переоборудуя. Наслаждаясь сравнительно комфортными условиями. И надеясь, что наши машины проработают ещё какое-то время...

Но!

Только пока, вот именно, не перемрём от старости. Или не погибнем при очередной аварии. И, как я это уже сказал, завершим собой человеческий Род. Поскольку оставить-то после себя детей... Мы не сможем! Не с кем нам их зачинать. И некому их нам родить! И оборудования для клонирования у нас нет. Как и хранилища зародышей или эмбрионов. (Не предусматривалось такового на нашей посудине!) Как не было его, насколько я знаю, и на Лунной Станции. (Да и с какой бы стати оно там было?!)

А уж сколько мы проживём – неважно. Но умрём мы точно не от удушья. Поскольку наших запасов кислорода теперь, после того, как погибли Стравинский, Сэрсо и Кадышев, хватит ещё на примерно сто пять лет.

– Но... Погоди-ка. Как-то уж больно глобально ты подходишь. «Хранилище эмбрионов»! Как бы они его создали и запустили на орбиту – если уже все и всё было заражено?! – Джером нахмурился, и теперь даже не пытался делать вид, что собирается качать бёдра, – Ладно – «Пронзающий»! Согласен, его снаряжали и оснащали не для колонизации других планет. Но ведь там, на Станции, насколько я помню, должны были быть какие-то... Женщины! Ну, учёные! Им же – разрешалось?!.. Луна же?!

– Всё верно. Женщины там наверняка имелись. (Даже при нашем отлёте!) Но поскольку прошло по объективному *местному* времени не менее восьмидесяти лет, даже если б таковые женщины и выжили... Они уже наверняка прошли бы через менопаузу. И были бы дряхлыми старухами.

То есть – зачать и родить так и так не смогли бы.

Но все эти рассуждения не имеют смысла. Хотя бы потому, что, вот именно – не имелось там, на Станции, сколько-нибудь существенных запасов кислорода.

– Но кок Лютер говорил про воду и электролиз...

– Ага, говорил. Но ты же помнишь, что ответил Пауэлл? А, кроме того, во льду, если б его даже удалось добыть где-то вдали от Станции, наверняка содержались бы какие-нибудь включения других элементов и веществ. Или газов. Которые запросто могли бы быть радиоактивны – вспомни пресловутый гелий-три! – или просто токсичны.

– Хм-м... То есть – ты думаешь...

– Хотелось бы, конечно, верить, что ваша разведка на Станции хоть что-то да даст нам. Хотя бы надежду. Хоть на что-то. Когда, кстати, вылетаете?

– Капитан сказал, что через два дня. Второй челнок не использовали шесть лет. Нужно его подготовить. Зарядка аккумуляторов, смазка механизмов, и всё такое прочее. И, понятное дело, ни сам Пауэлл, как наш первый пилот, ни второй пилот, то есть – первый помощник Эндрю Гопкинс, челнок не поведут. Я его поведу. – Гастигнс фыркнул.

– Хорошо. Вот я и подожду два дня. И потом подожду ещё какое-то время – сколько вы там будете «разведывать». (Ждал же все эти чёртовы годы!) И уж потом решу.

По горло мы в дерьме...

Или уже ушли в чёрную вонючую глубину вместе с макушкой.

2. Пересуды

Заведующий оранжереей, доктор Эдди Маркс, кончиком толстенького мизинчика поправил съехавшие на кончик носа старинные очки в металлической оправе. Когда он потел, такое сползание по влажной и маслянистой поверхности происходило часто – буквально каждые пару минут. Но контактные линзы доктор не признавал принципиально: они, по его словам, царапали его роговицу! А глаза у него одни: запасных на складе не выдадут!.. Даже таком огромном и всеобъемлющем, как на «Пронзающем»!

Значит, так. Задачи ему и его подразделению поставлены вполне конкретные и чёткие. Пищевые ресурсы на корабле нужно срочно пополнить – а не рассчитывать, что они смогут подкормить тут всё, да и перейти на нормальное полноценное питание: уже там, на родной планете. Которая, ясное дело, не поскупится на деликатесы и витаминизированные фрукты-овощи «а ля натурель» для своих изголодавшихся даже по банальным «грунтовым» огурцам, покори-телей космических пространств и их окрестностей.

Обломились их радужные надежды.

Да и с «висением» тут, на орбите, всё вполне ясно: в ближайшие сто лет спуск туда, к вождельным ресурсам и закромам, отпадает. Отпадает на неопределённое время и возможность пополнить запасы расходуемых реагентов из баз родной планеты.

И придётся таким образом изыскивать скрытые резервы, и составлять самим необходимые смеси и компоненты для гидропонной установки здесь. На борту.

Собственно, ничего принципиально нового ему для этого выдумывать не придётся.

К счастью, их подразделение внесло необходимые поправки в организацию работы ещё пока их «Пронзающий» летел туда – к Тэте Лиры. Цикл практически замкнут. И все «отходы», что с камбуза, что из галюнов, так и так попадают на переработку. Огромные чаны с дистиллятом пусть атмосферы корабля и не озонируют... Зато отлично позволяют отстояться и перебродить и перегнить всей той непрезентабельной массе, что создаёт в процессе жизнедеятельности функционирующий... Тьфу ты: живой человек.

А уж отстоянную массу, после того, как стекла в накопители и очистители жидкая фракция, отлично перерабатывают в компост модифицированные и отобранные селекцией, и мутировавшие в необычайно эффективные орудия переработки, старые добрые калифорнийские черви. После которых этот компост полностью готов к употреблению.

Черви у них – самые, как говорится, лучшие. Надёжные. Отобранные тщательной селекцией. Способны переварить и переработать, кажется, и ржавые гвозди. Хе-хе.

Только вот нет у них на корабле ржавых гвоздей. Всё здесь максимально долговечное и надёжное. Нержавеюще-стальное, карбоновое, алюминиевое, и титановое.

И запас витаминов, микроэлементов, да и вообще – всего, что могло бы понадобиться для борьбы с цингой, аллергиями, авитаминозами, нарушениями веса или ещё какими проблемами – на борт был погружен. И доктора у них – профи! Не дадут болеть...

– Хван. – доктор обернулся к стоявшему позади него пожилому технику по гидропонным установкам, – Ты ведь слышал, что сказал капитан.

– Да, доктор, я всё слышал.

– Значит, мне не нужно ничего объяснять. Начинай процедуру номер девять.

– Хорошо, доктор. – немного припадая на правую ногу, техник двинулся к центральному помещению их отсека, окружённому со всех сторон теплицами и парниками, где в гидротрубах выращивались признанные необходимыми растения. И Маркс отлично знал, что техник там будет делать.

Распечатает предпоследнюю коробку с неприкосновенным запасом микроэлементов, и примется за их разведение. После чего выльет смесь в центральный рекуперационный бак. Откуда она попадёт во все трубы, подающие раствор к корневищам... А после этого – в дождевальную систему теплиц, и оранжереи, где как раз и растут растения, укоренённые в компосте. А тот получен из... В том числе – и трупов. То есть – тела несчастных, погибших в той страшной аварии с реактором – съедены членами экипажа «Пронзающего» как минимум – несколько десятков раз. «Замкнутый цикл», будь он неладен...

И пусть в первые дни после принятия Пауэллом «странного» решения, пусть умирающие и сами попросили об этом, предпочтя *так* продолжить существование, принеся пользу соратникам, чем быть погребёнными в пучинах космоса, все остальные и ершились, и ворчали, что «не по-людски», но сейчас-то, спустя десяток лет, все понимают: так было нужно.

Для выживания.

Проклятье. Вот так и подумаешь, что хоть что-то полезное имелось и в, как ни кощунственно это звучит, смерти тех троих бедолаг. Что принесли тогда, ремонтируя чёртов реактор, свои жизни фактически в жертву, и тела – в «расход»: чтоб остальные товарищи по полёту могли пожить...

Подольше.

А вот какие-то гнусные твари там, на Земле, наоборот – всё сделали для того, чтоб все их сограждане попередохли!.. И поселиться на родной планете не мог бы уже никто!

И хотя доктор Маркс был принципиально против ненормативной лексики, но не мог не сказать, пусть и про себя: «Ну не долбо...бы ли все эти начальственные гады»?!

Сайрус Хоппер открыл дверцу конвертера, и смачно туда плюнул.

Когда дверцу закрыл, изнутри послышалось привычное жужжание – сканнер. И вот уже его плевков изучен, оценена его масса, и манипулятор со скребком отправляет три грамма жидкости на переработку к анализаторам, поглотителям, и фильтрам...

Если б это не было так трагично, то можно было бы похихикать: его плевков в какой-то степени скоро окажется во всех оставшихся на «Пронзающем» членах экипажа: поскольку наверняка сейчас направится в бак отстойника, и вскоре снова будет дистиллирован в дисциплированную воду. Снабжён необходимыми солями и минералами, и микроэлементами из кухни доктора Маркса. И попадёт в трубы питьевой воды.

Где его выпьет и он. И можно будет снова сплюнуть...

Невесёлые думы младшего техника, не мешавшие ему, впрочем, внимательно изучать привычные показания на приборах пульта, прервал приход начальства: в машинный зал заявился комендант корабля, старший лейтенант Станислав Яндринский.

– Здравия желаю, господин старший лейтенант, сэр. – техник поторопился встать, и вытянуться, – Вахту несёт сержант Хоппер. За время дежурства происшествий нет. Все показатели в норме.

– Вольно, сержант. – Яндринский поморщился, словно от зубной боли, но сержант знал, что никаких проблем с зубами у экипажа быть просто не может – заменили им всем зубы жевательными пластинами ещё двадцать лет назад, до вылета с Земли. При подготовке. Как, впрочем, заменяли и всем, кто должен был летать в космосе долго. Или периодически, но – на постоянной основе. То есть – *работая* здесь. В этом самом чёртовом космосе. Само-собой, удалили всем и аппендиксы, и подлатали внутренние органы: от печени до простаты, – Что там со вторым насосом оранжереи?

– Всё в порядке, сэр. После того, как поменяли пускатель, включается в штатном режиме. Вон: не далее, как пятнадцать минут назад док Маркс откачал из накопительного бака тридцать пять литров воды. Похоже, растворяет очередную партию... реагентов.

– Хорошо. – лейтенант чуть кивнул, – В следующий раз придётся пускатель уже чинить. Потому что это был предпоследний новый. Продолжайте контролировать.

Яндринский собирался уж было пройти дальше, по мрачному коридору, образованному огромными трубами, буквально пронизывающими всё пространство обширного помещения, но сержант приостановил его движение вопросом в спину:

– Лейтенант, сэр... Простите, что спрашиваю.

– Да, сержант Хоппер?

– Так что? Получается, спуститься на поверхность нам вообще не удастся?

– Нет, сержант. В ближайшие даже годы – точно нет.

– А... Когда?

– Боюсь, уверенно на этот вопрос не ответит даже доктор Йошидо. Потому как не попали ещё в его распоряжение бактерии или вирусы, что лютуют сейчас там, на поверхности планеты. Остались пробы всего этого в зондах, которые пока тоже там – снаружи. Доктору же пришлось довольствоваться только изображениями, полученными микроскопами зондов, и переданными их видеокамерами.

А до тех пор, пока эти пробы ему на непосредственное исследование не попадут... Ну, или мы не узнаем из архивов Лунной Станции, что это были за средства поражения, не получится и разработать методы адекватной борьбы с ними. Хотя...

Надежды на это, как сказали и доктор, и капитан, мало.

– Так – что?! Мы так навсегда и останемся гнить заживо здесь, в вонючем брюхе нашей чёртовой посуды?!

Лейтенант оценил и перекошенное побледневшее лицо, и судорожно сжатые кулаки, и неприкрытую злость в тоне. Перед лицом столь опасных тенденций он даже сделал несколько шагов к дежурному. Тяжело вздохнул. Глянул в глаза техника. Сержант первым отвёл глаза. Старший лейтенант сказал:

– Наша, как вы, сержант, выразились, «вонючая» посуда, спасала нам жизни уж не упомяну сколько раз. Она отлично противостоит и облакам молекулярного водорода, и солнечному ветру, и космическим лучам. И прослужит она нам верой и правдой ещё по-крайней мере девяносто лет. Именно на столько хватит наших запасов. И никакой «внешний» враг нам не страшен. А только – внутренний! То есть – конфликты.

Которых всегда можно избежать путём простых переговоров.

Например, если у вас, или кого-то ещё из экипажа есть вот прямо – непреодолимое желание, спуститься вот прямо сейчас – туда, на поверхность, и *лично* проверить её пригодность для обитания, вы не стесняйтесь, скажите. А лучше подайте рапорт. Официально. В письменном виде.

Не сомневаюсь, что капитан Пауэлл с большим удовольствием погрузит всех таких недовольных, неверующих, и соскучившихся по не-замкнутому и «невонючему» пространству там, в трюме, в запасной челнок. Да и отпустит с Богом!

Потому что тогда всем остальным останется запасов гораздо больше.

А на возвращение *уже* не надейтесь – вас *заразных* мы на борт не впустим.

Так что – хотите подать рапорт?

– Н-никак нет, сэр! Простите. Это... Это был эмоциональный срыв!

– Хм. У доктора Людвиг нахваталась наукообразных словечек?

– Э-э... – Хоппер невесело усмехнулся, – Так точно, сэр.

– Понятно. – лейтенант коротко кивнул, – Не думайте, что у вас у одного слюнки текут, и ноги чешутся вновь побродить там, по вожделённой зелёной травке. И полежать, раскинув руки, и дыша не-кондиционированным воздухом, под голубым небом, где пели бы жаворонки, а вокруг стрекотали цикады и ласковый ветерок шевелил бы волосы на голове, и мягко шелестели бы эта самая травка и полевые цветочки...

Но пока мы не выясним точно, отчего умерли все наземные существа крупнее амёб, сунуться туда может только самоубийца. Или уж совсем закоренелый мазохист. Желаящий несколько последних дней жизни провести в нечеловеческих мучениях!

– Да это-то ясно, сэр... Простите ещё раз, что... Не сдержался! Уж больно обидно!

– Считайте, что вы прощены, сержант. Поскольку отнюдь не первый, кто поднимает этот вопрос. Собственно, мне и самому в плане разумности и сдержанности поведения похвастать нечем: это я, не далее, как вчера, предлагал капитану спуститься на втором челноке, и попробовать походить там – хоть и в скафандрах...

На что он мне вполне спокойно и доходчиво объяснил. Что поскольку погибли все, следовательно, не существует пока надёжных средств и способов борьбы с этой зар-разой! Не создали этих средств даже самые супер-продвинутые и специализированные лаборатории земных учёных. И даже если мы не погибнем там сразу, вернуться, что на челнок, что на «Пронзающий», так, чтоб не поперезаразить всех, кто тут остался, мы не сможем!

Нечем у нас произвести должную дезинфекцию! Дегазацию. Стерилизацию. Ну, или что там положено провести. Чтоб *гарантировано* убить всю эту дрянь. Ну вот не догадались снабдить наш «Пронзающий» соответствующими реагентами и приборами те, кто его построил и оснастил. Да оно и понятно: кто же тогда предполагал, что самый страшный враг будет ждать нас не там, в пучинах дикого космоса, а – здесь!

Дома.

И враг это будет невидим, неосязаем, и жутко живуч и смертоносен.

– Понял, сэр. – Хоппер поджал губы, очевидно, переваривая полученную информацию. Но переварил он её быстро, – Получается, хорошо, сэр, что капитан у нас такой занудный и дотошный!

– Он – не занудный, сержант. – лейтенант невольно дёрнул плечом, – Он педантичный. И спокойный. И просто может лучше нас сдерживать свои эмоции и контролировать желания. Вроде такого, например, как побыстрее спуститься туда.

На неповреждённую внешне и безобидную с виду поверхность.

– Да, всё понятно, сэр. Разрешите продолжить несение вахты?

– Разрешаю, сержант. – Яндринский, снова кивнув, двинулся, куда собирался, по пути внимательно оглядывая стыки и соединения труб, и манометры. И проверяя датчики утечек.

Сержант почесал затылок.

Хорошо, получается, что он всё-таки спросил. Потому что теперь «хитрый» план трюмного старшины капрала Волонтира, и сержанта Йохана Похъёлы, заведующего складом оружия, можно смело... Засунуть им в задницы!

Не выгорит их дерзкая задумка похищения всеми недовольными членами экипажа второго челнока, или парочки спасательных капсул, и бегства с корабля туда – к возжелённой поверхности с пасторальными с виду пейзажами.

Потому что пасторальные-то они пасторальные...

Только вот пожить подольше, пусть и в «вонючей», и до чёртиков обрыдшей коробке «Пронзающего Пространство», пусть и глядя на все эти набившие оскомину физиономии, приборы и стальные серые стены, чертовски хочется!

В рубку радистов капитан явился лично.

Вскочивших и приветствовавших его офицеров усадил обратно на их рабочие места жестом руки:

– Вольно. Докладывать можете сидя.

Лейтенант Джастин Хьюз покачал головой:

– Нечего докладывать, сэр. Ни единого, даже самого слабого, сигнала. Только автоматы. Бакены, ретрансляторы. Промежуточные усилители. Навигационные спутники.

– Понятно. – капитан сам сел в пустое кресло третьего радиста. Помолчал. Лейтенант чувствовал, что капитан зашёл к ним неспроста, но спрашивать начальство не торопился. Прекрасно знал, что капитан и сам спросит о том, что его беспокоит. И точно:

– Лейтенант. Хочу спросить вас, как специалиста. Профессионала. Почему они, понимая, что погибнут, не наладили какую-нибудь автоматическую передачу? Чтоб мощная радиостанция там, на поверхности, просто годами передавала то, что они попытались довести до нас таким сложным и трудоёмким способом?

– Н-не знаю, сэр. – Хьюз хмурил кустистые брови, всё ещё сомневаясь, говорить ли о своих подозрениях и догадках, – Может быть, не успели?

– А построить огромные буквы успели. Нелогично. Ладно, вижу, что определённые версии у вас имеются. Имеются?

– Э-э... Так точно сэр. Имеются. Только...

– Да?

– Они чертовски пессимистичны.

– Ладно. Будем считать, что это – неофициальный вопрос. Не для протокола или вахтенного журнала. Выкладывайте.

– Мы считаем, сэр, – лейтенант переглянулся со вторым вахтенным, младшим лейтенантом Питером Бархузенем, тот ничего не сказал, но покивал, – Что все обычные радиостанции и их оборудование, там, на поверхности, приведены в негодность. И разрушены. И как раз из-за этого самого разрушения и могло случиться... То, что случилось.

– Ну-ка, поподробней, пожалуйста.

– Ну... Если, скажем, одна из противоборствующих сторон выпустила облако, или облака с микромикропами, и минидронами, и роботараканами, как раз и принявшихся за наружные, а потом и внутренние рабочие органы и приборы всяких там антенн и ретрансляторов, то вторая противоборствующая сторона, понимая, что её собираются оставить без связи, и таким образом лишит возможности координировать свои действия против последующих ударов, как раз и могла... Выпустить в воздух всю эту заразу!

Плюс, конечно, поторопилась уничтожить, уже своими микропами и дронами, аппаратуру противника! Возможно, микропы и дроны уничтожили не только наружные средства для радиопередач, типа начинки антенн и головок ретрансляторов, но и внутренние. Например, электронные схемы, источники питания, силовые кабели, аккумуляторы. И так далее. Сами знаете, сэр, когда мы улетали, вся эта вредоносно-диверсионная, автономно действующая дрянь уже имелась. И – вполне живучая и работоспособная!

– Звучит правдоподобно. Если принять за аксиому, что какая-то из сторон всё-таки решила применить всё это дело. Но вот не верится, что – решился какой-нибудь начальственный идиот отдать такой приказ. Не мог он не понимать, что ему адекватно ответят!

– Так точно, сэр. Должен был он всё понимать.

Но всё ведь могло быть и по-другому. То есть, я хочу сказать – от желания каких-то президентов, лидеров, или начальников Штабов это могло и не зависеть! Это могло случиться и из-за приказа от ИИ. Ну, например, чьего-нибудь Центрального оборонного компьютера. Он мог, изучая обстановку, решить, что ему что-то угрожает... Или посчитать, что ситуация для нанесения превентивного удара максимально благоприятная...

Вспомните, сэр: на низшем исполнительном уровне, где счёт идёт на тысячные доли секунды, таким следящим системам уже даже при нас доверяли: например, самостоятельно сбивать ракеты вероятного противника. Или ремонтировать и заменять повреждённые цепи и кабели. Помните, инцидент с Тайваньским Боингом? Как следящий компьютер военной базы США на Цейлоне посчитал его небольшое отклонение от стандартного курса – потенциальной угрозой своей базе?

– Ещё бы не помнить. Но, по-моему, дело тогда закончилось просто выплатой компенсаций семьям погибших, и официальным извинением.

– Так точно, сэр. Но! Вряд ли в программу этого самого компьютера тогда внесли какие-то *кардинальные* изменения. А то – вдруг бы противник этим воспользовался?!

Пауэлл кивнул: всё верно. Замедлять скорость принятия решения, или глобально перепрограммировать такие следящие системы опасно. Эта хитро-мудро запрограммированная и обученная дрянь может тогда просто не среагировать в случае *реальной* угрозы. Вон, например: их автоматические противометеоритные пушки. Никого ни о чём не спрашивают, а прекрасно и эффективно работают! Молча паля во всё, что, по их мнению «плохо летит!» Но спросил капитан о другом:

– Если виноваты дроны и микропы, сможем ли мы найти какие-либо... Следы?

– Вряд ли, сэр. Зонды же наши ничего и никого не нашли? Хотя и искали... Слишком много времени прошло. И сами микропы и минидроны наверняка уже посдыхали, попадали на землю, и даже попросту исчезли. Сгнили. Разложились. Коррозия!

– И, вероятно, именно поэтому мы и не можем поймать ничего идущего с Земли. – это подал, наконец, голос лейтенант Бархузен, – Отсюда, с орбиты, видно только то, что сами несущие фермы и тарелки антенн выглядят целыми. Ну, почти. Если не считать обычной атмосферной коррозии. То есть – банально проржавели. А вот цела ли их внутренняя электроника или, проще говоря, начинка...

Выяснить можно было бы только диагностическими приборами. Там. На месте.

– Куда нам путь пока заказан. – капитан поднялся с кресла, – Ладно, собственно, что-то такое мы уже предполагали, и предчувствовали ещё до того, как я выслал зонды. Тарелки, астрономические телескопы, и прочие гигантские наружные устройства для приёма-передачи радиосигналов действительно на месте. Но вот их электроника вряд ли цела, даже если её никто и не «обрабатывал» специально. Та же коррозия, и разрушение подложек. Кремниевые матрицы тоже не вечны. Максимум – сто лет...

– Позвольте, сэр? – это руку поднял Бархузен.

– Да, лейтенант?

– Тут... Как бы это поточней сформулировать, есть и альтернативная гипотеза. Моя личная.

– Хорошо, говорите.

– Я допускаю, что такие автоматические устройства, транслировавшие бы в космос запись о том, что здесь произошло, могли и сознательно *не* создать и *не* запустить. По ещё одной причине.

Престиж.

– Что?

– Престиж, сэр. Ну, то есть – нашим боссам там, внизу, стало стыдно, что какие-нибудь инопланетяне, живущие в нескольких световых годах от Земли, могут поймать *такую* передачу. И узнать. Какие мы идиоты. И что планета – свободна. И можно прилетать, дезинфицировать, ну, или дегазировать, и – вселяться! Поскольку теперь *никто* их права на обладание уютным тёплым шариком оспорить не сможет! И даже межгалактической войны затевать не надо. Мы им её сами – на блюдечке!..

– Интересная теория. – Сигурд мысленно посмеялся. Но вслух сказал, – Однако уж слишком неправдоподобная. Думаю, о том, чтоб не ударить лицом в грязь перед какими-то там потенциальными пришельцами, что правительства, что специалисты думали в последнюю очередь. И всех куда больше беспокоил вопрос экстренной разработки вакцины или лекарства. Поэтому мне лично не слишком верится в теорию о войне с глобальным применением микродронов... Вызвавшую вот *это*.

А больше – в войну из-за ошибки, или сбоя, вот именно – оборонных компьютеров.

Ладно, продолжайте несение вахты.

– Есть, сэр!

– Есть, сэр.

Когда за капитаном закрылась дверь, лейтенант долгим взглядом посмотрел на своего младшего по званию помощника. Сказал:

– Прекрасно он обо всех этих микродронах, и «сбоях» догадывался и сам.

– А для чего тогда к нам заходил? Да ещё и «неофициально»?

– Во-первых, хотел услышать мнение «специалистов». Ну а во-вторых...

– Да?

– Капитан у нас – американец. И он пытался, и сейчас пытается найти способ доказать, что первый акт агрессии всё-таки произвели русские. Ну, или китайцы.

Наверняка не прошли даром годы, когда ему промывали мозги в Вест-Пойнте. Зомбируют они там, тьфу ты, – я хотел сказать, зомбировали в этой Высшей Академии, и запудривали мозги – капитально! Задавали, так сказать, на всю оставшуюся жизнь чёткие и конкретные установки. Так мол, и так: наша Америка – намбер уан. Светоч и оплот демократии. И у нас – самая передовая техника и технология. Наука! И гуманность. И никогда и ни на кого – мы первыми не...

Так что не верит он до сих пор, что его хренова родина первой напала. Или начала... Ну, или что это именно её «суперпродвинутые» оборонительные компьютерные системы, или свято верящие в свою непогрешимость и вседозволенность, и «технологическое превосходство», вояки, сами спровоцировали и запустили всё произошедшее.

Вернее, скажем лучше так: на уровне подсознания-то он в возможность, и весьма высокую, всего этого, верит... Но боится даже сам себе признаться.

– Чёрт. Когда ты так говоришь, у меня прямо мороз по коже. Не хотелось бы оказаться под руководством комплексующего, и отягощенного навязчивыми идеями расового превосходства, психа. И ведь не посоветуешь ему сходить к доку Людвигу!

– Не волнуйся. Капитан у нас не националист. А реалист. Что он, собственно, вполне успешно и доказал нам за эти годы.

И к доку сходит сам.

Капитан Пауэлл привычным жестом пригласил офицеров сесть, после чего сел и сам во главе небольшого стола, всё равно занимавшего добрую половину передней комнаты его капитанской каюты. Офицеры расселись, поглядывая и на него, и друг на друга.

Пауэлл перешёл сразу к делу:

– Господа офицеры. Сегодняшняя планёрка у нас посвящена несколько... Необычной проблеме. А именно – национальному вопросу.

Поясню. Ранее этот вопрос практически никогда не вставал, но сейчас он может возникнуть, и создать нам... Существенные проблемы.

Экипаж у нас, как вы прекрасно знаете, многонациональный. Учёные, поскольку они на момент формирования состава экспедиции отбирались из самых лучших и опытных, представляют преимущественно Европу и восточную Азию. Техники и инженеры – из Индии, России, и Латинской Америки. Наш, то есть – офицерский, корпус – в основном профессионалы из США, Китая, и России. А всего у нас на «Пронзающем» имеются представители двенадцати стран и четырёх континентов. И трёх конфессий.

За всё время полёта практически никогда, – капитан незаметно для всех постукивал костяшками пальцев по нижней кромке столешницы, – у нас на корабле не возникало вопросов, связанных с разделением людей не по профессиональным и человеческим качествам, а по принадлежности к той или иной конфессии, расе, или национальности. Прошли, к счастью, к моменту нашего вылета, времена, когда одна или несколько рас или наций провозглашались

«высшими», или какие-то нации позиционировались как низшие, тупые, ленивые, или просто недостойные. И всех нас воспитывали в обществе, в социуме, где все люди изначально равны в своих правах и способностях. И это правильно.

Но!

Завтра нам предстоит отправить разведочную партию на Лунную Станцию. И я не знаю, что они смогут выяснить из местного архива о *причинах* возникновения конфликта там, на планете. И в чём состояла суть произошедшего конфликта.

И если таковые сведения там сохранились, и в них недвусмысленно будет указано, и найдутся реальные *доказательства*, что боевые действия развязали какие-то конкретные страны, или нации, и к тому же руководствуясь подобными... Расовыми, или националистическими, либо религиозными нормами и приоритетами, у нас на корабле могут начаться, вот именно – проблемы.

Наверняка тогда представителям таких конфессий, наций, или стран не избежать обвинений в произошедшем. Что само по-себе, разумеется, было бы и дико, и глупо, и несправедливо. Но!

К сожалению – весьма вероятно.

Поскольку не все наши члены экипажа при выборе линии поведения руководствуются разумом и логикой, а, в силу того, что они – просто люди, и – эмоциями.

Не буду указывать вам на возможные ужасные последствия таких обвинений.

Мы все прекрасно понимаем, что те, кто летал с нами все эти годы – отличные специалисты, верные друзья, и выдержанные и мужественные соратники. Стойко переносившие тяготы длительного пребывания в тесном замкнутом пространстве, и космосе. И даже жертвовавшие жизнями для спасения остальных. Царствие небесное нашим погибшим!

Однако сейчас терпение оставшихся в живых людей подвергается огромному испытанию. А психика – стрессу. И естественное раздражение, недовольство, злость и даже истерия, могут проявиться в самых... Крайних формах. Не сомневаюсь, что многие из вас, как, во-первых, умные люди, а во-вторых – ответственные за жизнь и безопасность экипажа руководители, не могли уже не размышлять над этой проблемой.

Для этого я и собрал вас сегодня здесь. Чтоб узнать ваше мнение, и выслушать предложения по возможным нашим действиям. По предотвращению возникновения бунтов, обвинений, и межнациональных или межконфессиональных «разборок». Начнём по порядку, – капитан кивнул сидящему от него справа первому помощнику:

– Прошу вас, старший лейтенант Гопкинс.

Со вздохом первый помощник Гопкинс поднялся. Видно было, что тема ему неприятна. Но на то они – и офицеры, чтоб подумать, как сохранить здоровье – и физическое и духовное! – своего экипажа!..

3. «Чудесная» находка.

Младший техник Малькольм Шмутц знал только один приемлемый способ снятия нервного напряжения. Ну, или проще говоря – подавления очередного приступа отчаяния и лютой злобы.

Злобы на всё: на идиота-капитана, на козлов-учёных, на врачей, на баранов-сменщиков, на кока-дебила. Кормящего обрыдшей безвкусной баландой. И на неприятности и проблемы, которые они все вечно старались ему создать.

Вот как сейчас.

Неужели все остальные, кто слушал тупые рассусоливания в кают-компании, и помалкивал в тряпочку, пока Пауэлл со своими приспешниками – ближайшим окружением! – как по нотам разыгрывали этот сволочной спектакль, хоть на секунду им поверили?!

Что, дескать, раз погибли все там, на поверхности, ещё восемьдесят лет назад, так и им, почти двадцать лет по корабельному времени не ступавшим на землю родной планеты, спускаться на «заражённую» поверхность нельзя?!

Чушь какая. Бред! Понятно одно: капитан и его банда не хотят выпускать их из этой вонючей консервной банки – «Пронзающего бесконечность»! И осталось выяснить только одно: *почему*?! Что там они себе задумали такого, чтоб сделать *это* руками многострадального экипажа?! Из-за чего этот самый экипаж нельзя выпускать на «свободу»...

От мыслей буквально пухла голова, скрипели стиснутые зубы, играли на скулах желваки, и сводило, скрючивало трясущиеся пальцы, пока доставал Белинду из ящика. Сопя и матерясь вполголоса.

Но когда привязал её как обычно, за запястья и щиколотки, распяв на жёсткой кровати животом книзу, с широко раскинутыми руками и ногами, от вида беззащитно-доступного прекрасного тела с милыми округлостями, его немного отпустило. Ф-фу-у...

Попалась, голубка. Никуда не денешься!.. Супер она у него! Сейчас он её сзади... А в следующий раз – уж лёжа на спине. Но *вот так* – его заводит больше!

Встав над чёртовой электронной куклой, он уже не задыхался от злости, а вожаделенно сопел, невольно водя взглядом от доступных в таком ракурсе изящных маленьких ступней с нежно-розовой кожей подошв, до аккуратных пикантных ямочек над ягодицами, и выше – по стройной и гладкой спине. Любовался и профилем прелестно-нежного лица... Нет, не зря он заказал себе блонду: светлые волосы делают как бы – кожу – нежней, а личико – ещё милевидней!

Тем хуже для неё.

Наконец, налюбовавшись, он прикрыл обнажённое туловище синтетической простыней. Для его кратковременной памяти материала достаточно – теперь все «достоинства» его партнёрши обозначены лишь выпуклостями на белой тонкой поверхности, что заставляет вступать в дело уже – воображение!.. А оно у него – хо-хо!

Зато *так* нежная и мягкая псевдокожа уж точно не порвётся!

Плётка-нагайка у него за эти двадцать лет поизносилась, конечно... Но он отлично справляется с её ремонтом. Так что сила удара и зона поражения остались прежними.

Ну, пора.

Он щёлкнул выключателем.

Чуть дёрнулась простыня на спине – включились симуляторы дыхания. Открылись василькового цвета огромные глаза, сразу скосившиеся на него. Изо рта донёсся сдавленный вздох, сразу перешедший в стон, когда его подопечная поняла, что снова «распята». Умоляющий взор обратился к нему, пухлые губы еле слышно прошептали:

– По... Пожалуйста! Господин! Не надо! Я всё сделаю, что прикажете! Пощадите!..
Вот. Этого он и ждал. Чтоб она умоляла, и плакала...

Поэтому с тех самых пор, как флотское руководство выделило ему для личного пользования эту пластиковую шлюху, выбранную им по стандартному Каталогу, и штатный флотский программист настроил её на режим полного подчинения, Малькольм и не сменил ни разу выставленный двадцать лет назад режим!

Возбуждает потому что! Дико возбуждает!!! До сих пор.

Вон: естество зашевелилось!

Но с некоторых пор он приспособился к новым ролевым играм. Он – палач. Агент гестапо. Инквизитор. Сутенёр. Плантадор, наказывающий за неповиновение строптивую рабыню. Грубый и жестокий самец! Животное! Так что незачем ждать чего-то ещё. Словарный запас у куклы весьма ограничен, и когда из её чувственного ротика несутся просто стоны и междометия, ему гораздо...

Приятней.

Ну всё: сегодня он в роли... Инквизитора:

– Н-ну, признавайся, ведьма! Где научилась колдовству?!

– Что вы такое говорите, господин?! Я никогда... Пожалуйста, не надо! А-ах!

Тварь съёжилась ещё до того, как он нанёс удар. Он, посмеявшись, и остановив руку, убедился, что электронная шлюха теперь закусил губки – понимает, что он играет с ней. Как кот с мышкой!.. И она боится его. И неважно, что там она сейчас бормочет.

И пусть это только программа, (Хоть и отлично кем-то прописанная!) но ему достаточно и этого ощущения от её «стандартных» реакций – передано такое «поведение» создателями этой дряни чертовски реалистично!

– Говори! Это ты – заколдовала всю чёртову Землю?!

А истово она всё отрицает – можно заподозрить, что и правда... Без неё тут не обошлось! (Интересно: можно ли научить такую куклу и правда – колдовать?!..)

Но эти «посторонние» мысли – отвлекают! Сбивают с настрое!

Наконец он ударил её – сразу сильно и хлётко.

Белинда дёрнулась. Застонала, замычала. Затем – завопила.

Как хорошо, что он навсегда выставил ей голосовую мощь в три процента – так и его соседи за стенами не слышат, как он её «обрабатывает», и он отлично различает всё, что там сейчас лепечет чувственный ротик с пухленькими губками!

Кровожадно ухмыльнувшись в широко раскрытые косящиеся на него умоляющие глаза, он удовлетворённо выдохнул, и нанёс очередной удар. А приятно смотреть, как она извивается, словно и правда, ощущает невыносимые страдания! Ах ты ж сучка!.. Ну погоди! Сейчас он тебе!.. Прикидываешься, мразь?! Ну так получай! Вот тебе! Вот!..

И только когда пот стал заливать глаза, а там, внизу, всё напрягло и затвердело так, что, казалось, вот-вот зазвенит, он отбросил плётку, и принялся дрожащими теперь от вождления пальцами растёгивать форменные штаны. Скинул на пол и простыню...

Когда забрался на сотрясающуюся от почти беззвучных рыданий гадину, удовлетворённо выдохнул: не так важно то краткое мгновение между тем, как он вставит своего красноголового воина туда, куда надо вставить, и финишем, как важно *ощущение*.

Это волшебное чувство: что он – господин и властелин! Большой Босс! И повелевает своей рабыней уверенной и не знающей пощадки рукой!.. Ну, и другими местами...

Вот что значит – правильная подготовка! Он *почти* приехал ещё до того, как закончил экзекуцию. Поэтому когда через пару минут угар буйства плоти закончился, и всё, что требовало выхода наружу, из его чресел вышло, он сполз с до сих пор слабо подёргивающегося от традиционных рыданий тела на постель. Выдохнув, и закусив, как недавно и его жертва, губы.

Обман. Всё – обман. И самообман.

Не чувствуют стандартные пластиковые куклы для секса, которыми снабжён в соответствии с Уставом весь экипаж, никакой боли. Не говоря уж о сексуальном удовлетворении. Нет у них в теле никаких рецептов! Не смогли ни инженеры, ни врачи создать хоть сколько-нибудь приемлемых вариантов... Ну, во-всяком случае, так было, когда они улетали.

А теперь, похоже, так и придётся до конца жизни «наслаждаться» этой вонючей пластиковой мерзавкой. Зная, что на самом деле она абсолютно бесчувственна, и если и плачет, или даже стонет от наслаждения – делает это только из-за того, что в её процессор загружена такая программа...

Как обозначено в Инструкции пользователя – «покорная жертва».

Да и хрен с ним! Пока у него, как говорится, работает, вполне его этот режим устраивает. А вот режим, когда уже кукла трахала бы – Его. Или его мозги! – никоим образом ему не подошёл бы! Не нужна ему «сильная и самостоятельная, независимая» партнёрша. Которую ещё нужно было бы уговаривать. Или вести с ней «интеллектуальные беседы».

ТЬфу, идиотизм!.. Такое – для тех, кому поговорить хочется. Учёным, офицерам...

А он – простой техник!

Мысленно выругавшись, он протянул руку, и отключил лежащее рядом устройство, призванное поддерживать в «рабочем состоянии» членов экипажа. Мужчин.

Логичное решение, что с точки зрения психологов, что с точки зрения физиологов. Здоровые и половозрелые самцы должны... Выпускать пары. Избавляться от накопившегося в организме семени. Ну, заодно и предотвращать гомосексуальные поползновения и извращённые настроения, могущие возникнуть в сугубо мужском коллективе, когда там совершенно нет женщин!

Вероятно, да что там вероятно – наверняка! – всё это просчитано и проверено на «добровольцах» штатными флотскими специалистами-психологами, тысячи раз.

И ведь – работает!

Он удовлетворён. И успокоился. Ну, почти...

Теперь только извлечь блок семяприёмника, и промыть и продезинфицировать...

Но этим он займётся позже. Потому что сейчас устал. И хочет отдохнуть.

Развязав руки и ноги бессловесной Белинды, он просто спихнул её с кровати на коврик, куда она упала с глухим стуком – словно скинул мешок муки с плеч на палубу камбуза. Он сладко потянулся, криво ухмыляясь. Ну, спокойной ночи, Малькольм!

Спокойной ночи, милый доморощенный садист-затейник.

Джером Гастингс щёлкнул переключателем на пульте посадочного модуля, проинформировав остальных:

– Перехожу на ручное. Попытаюсь призем... Тьфу ты – прилуниться не слишком далеко от купола со входом. Всем пристегнуться. – этого можно было и не говорить, все и так пристегнуты! – Ускорения будут... До двух с половиной «же». Я должен экономить горючее. И не забудьте проверить ремни и крепления гранатомётов и плазменных излучателей – мне вовсе ни к чему, чтоб они в самый неподходящий момент порхали по кабине.

– Не волнуйтесь, пилот. Всё под контролем. – голос первого помощника оставался как всегда сух и спокоен.

Гастингс криво усмехнулся:

– Главное – ничего из барахлишка не забудьте, когда двинетесь. Вдруг там засели злобные чужие. Готовые оборонять стратегический объект!

– Ваша ирония, лейтенант, неуместна.

– Понял, сэр. Простите. Это я... Пытаюсь поднять нам всем «боевой дух».

На это замечание первый помощник, вопреки прогнозам Гастингса всё же полетевший с ними, промолчал.

Про себя Гастингс подумал, что, собственно, не должен отчитываться, и стараться «поднять боевой дух» двум врачам-биологам, пяти армейским техникам с оружием, инструментами и различным оборудованием для проникновения и ремонта. И трём сосредоточенно-озабоченным инженерам. Информация о том, что он должен беречь горючее – им всем до лампочки. Как и его домыслы и «юморение» про «чужих». А первый помощник Эндрю Гопкинс, возглавляющий эту маленькую экспедицию, знает об экономии и сам. Что же до пристёгивания барахлишка, и людей...

Пристёгнуты и люди и их весьма богатый арсенал. Поскольку после отделения от корабля исчезло действие гравитаторов, и в челноке царит лишь та сила тяжести, что создают двигатели – своим ускорением... Ну, или невесомость, когда они выключены.

Но не молчать же, поскольку и так достаточно тоскливое настроение царит у них на борту с того момента, как капитан разрешил в случае крайней необходимости входной люк попросту взломать!

То есть, Пауэлл заведомо уверен, что никому там, в помещениях Базы, разгерметизация уже не нанесёт вреда. И не рассчитывает, что механизмы и приводы двери центрального шлюза остаются в рабочем состоянии.

Методичная и аккуратная работа по регулировке вектора тяги и одновременная коррекция места посадки заняли его внимание на целых (!) пять минут. Касание поверхности прошло незамеченным на фоне действительно немаленьких ускорений при торможении и манёврах. Гастингс удовлетворённо вздохнул:

– Посадка произведена, сэр. До Лунной Станции по дальномеру триста пять метров. Однако на автобусы я бы не рассчитывал – вам придётся идти пешком. Прошу пассажиров проследовать к выходу. Виртуальные стюардессы помогут вам вскрыть их. Надеюсь, вам понравилось летать космолиниями «Пронзающего бесконечность»!

– А можно всё-таки без неуместного чёрного юмора, лейтенант? – Джером буквально затылком чуял, как первый помощник морщит лоб в недовольной гримасе, и поджимает губы.

– Так точно, сэр, можно. Но если по Уставу – оно уж так тоскливо...

– И тем не менее. Прошу придерживаться стандартной процедуры.

– Есть, сэр. – Джером усмехнулся в усы, и показал язык центральному обзорному иллюминатору, поскольку знал, что никто его лица не видит, – Докладывает третий пилот Джером Гастингс. Командир, сэр. Посадка произведена.

– Отлично, лейтенант. Потрудитесь оставаться на месте, пока разведочная партия не вернётся на борт. Ваша задача: держать модуль в полной готовности к взлёту на случай экстренной эвакуации.

– Есть, держать в готовности, сэр. – Гастингс уже спрятал свою кривую ухмылочку туда же: в холёные усы. Эвакуация, как же! Чёрта с два тут есть в ней смысл.

Поскольку наверняка внутри команду исследователей ждут только трупы.

И прекрасно все они это понимают.

Он невольно посерьёзnel и передёрнул плечами.

Не хотелось бы, вот именно, идти с ними...

Капралы Карпов и Дзорба поставили огромный блок портативного аккумулятора у пакетника входного шлюза с заметным облегчением: пусть и при ноль пятнадцати нормальной силы тяжести нести громоздкий и чертовски неудобный ящик было нелегко, и, вот именно – неудобно. Нет, весил он, конечно, не сто сорок килограмм, как там, на «Пронзающем», или на Земле, но огромная инерция, приличный размер, и острые жёсткие углы-рёбра никуда не делись.

Первый помощник скомандовал:

– Техник Ходжес. Займитесь пакетником.

– Есть, сэр. – техник, произведённый за заслуги и профессионализм в капралы здесь же, на корабле, ловко справился с крышкой пакетника, и принялся что-то мурлыкать себе под нос, придиричиво обзвывая начинку коробки.

Всё как обычно. Не по Уставу. Но первый помощник знал, что делать замечания не надо – иначе работа профессионала с вокальными причудами замедлится раза в три. Так что пусть работает, как привык. И плевать, как говорит (Или думает!) пилот Гастингс, на Устав: время сейчас дороже. Кислород в баллонах их скафандров лучше использовать на осмотр, а не на ожидание...

Минут десять, пока ловкие даже в скафандре пальцы пристраивали щупы и клеммы к цепям и деталям в сложной электрике наружного щита электрораспределителя шлюза, царило весьма напряжённое молчание: техник сосредоточенно работал, дыша, как ни странно, абсолютно бесшумно. Зато наполняя радиоэфир немзыкальным мурлыканьем. Остальные только переглядывались, да тихо вздыхали, не нарушая «процесс» приколами, соображениями, или комментариями: а чего говорить, когда уже всё сказано, и варианты обсуждены. И никто не сомневается в том, что они лезут в могильник...

Ходжес наконец откинулся назад, пропев несколько тактов из победного марша из «Аиды». Буркнув: «враг сопротивлялся изо всех сил, но победили сильнейшие!», обернулся на первого помощника:

– Вроде, готово, сэр. Включать? Надеюсь, конечно, что смазка не успела совсем уж закаменеть. Но на всякий случай пусть кто-нибудь поможет мне сдвинуть бронеплиту.

– Карпов, Дзорба. Помогите технику. Включайте, Ходжес.

Под совместными усилиями техника и других двух капралов броневая плита, перегоравшая отверстие четыре на два, посопротивлявшись с десятков секунд пыхтящим и сопящим, и трясушим и раскачивающим её мужчинам, вдруг легко и плавно откатилась вбок, открыв тёмную утробу большого грузового шлюза. Космонавты еле удержались на ногах. Ходжес буркнул:

– Чёрт. Открылась-таки!

– Можно подумать, техник, мы сомневались в ваших способностях! – Гопкинс казался довольным.

Изнутри вырвалось небольшое облачко снежной пыли, ясно указывая, что хотя бы какая-то часть атмосферы там, в помещениях Станции, сохранялась.

– Заносите. И входите. – первый помощник не стал пояснять, поскольку все и так отлично знали, что делать. Доктор Йошидо, оставшийся пока за порогом, хмыкнул, заглядывая в глубину тёмного помещения из-за спин бойцов:

– А почему этот шлюз такой... длинный?

– Он – технический. – голос первого помощника звучал теперь снова нарочито спокойно. Волнуется тоже, стало быть, даже этот пятидесятилетний ветеран, – И ведёт прямо в ангары. Откуда на поверхность выезжали разведочные и бурильные луноходы. А длина стандартной буровой мачты доходит до десяти метров. А нам этот шлюз подходит больше обычного шлюза потому, что мы с нашим немаленьким хозяйством легко можем тут разместиться. – помощник указал рукой на пять солидных ящиков и три незачехлённых агрегата, которые уже втаскивали внутрь помещения техники и бойцы.

Убедившись, что все оказались внутри, Эндрю Гопкинс скомандовал:

– Капрал Ходжес. Закрывайте наружный, и принимайтесь за внутренний.

Терапевт широчайшего профиля, а по совместительству и штатный хирург доктор Людвиг попытался привычным движением поправить остатки роскошной когда-то шевелюры на затылке. А когда из-за обнаружения преграды в виде затылочной части шлема скафандра

это не удалось, вполголоса буркнул «блин». После чего констатировал представшее перед ними зрелище следующим образом:

– Как профессионал-патологоанатом с тридцатипятилетним стажем работы могу констатировать, что пострадавший погиб от удара топором.

Первый помощник, невольно дёрнув щекой, и заставив себя оторвать взор от распростёртого на животе скелета с торчащим из спины, из области сердца, топором, поспешил внести ясность в ситуацию:

– При всём уважении, доктор. Сговорились вы с третьим пилотом, что ли? Ваш с ним неподражаемый чёрный юмор в данной ситуации несколько... Угнетает.

– Хм-м... Согласен. Приношу извинения. Это... От нервов.

– Верю. Потому что мы все на взводе. Но картина... Удручает.

– Вот именно. Потому что все мы понимаем, что такой удар он при всём желании не мог нанести себе сам. Следовательно...

– Следовательно здесь имела место некая конфронтация. А говоря проще – гражданская война. Думаю, мы найдём ещё трупы. Капрал Ходжес. Подключайте аккумулятор к местной резервной сети. Пусть заработает хотя бы аварийное освещение.

– Есть, сэр.

Трупы нашлись.

Собственно, их и искать особо не пришлось: некоторые коридоры ближе к центру управления были буквально завалены скелетами в истлевшей одежде. В тускло-красном свете аварийного потолочного освещения все тени казались словно чёрно-красными, и зловещая тишина больно давила на уши и нервы. Иногда даже казалось, что трупы шевелятся, хотя первый помощник отлично понимал, что это просто тени от движения налобных прожекторов его подчинённых. Мрачной атмосферы не могли рассеять ни преувеличенно бодрые команды старпома, кому какой коридор осматривать, ни комментарии доктора:

– А у этого – рана в височной области черепа. Сквозная. Следовательно, тоже – никаких «естественных» причин.

Определить, от чего умерло большинство пострадавших, проблемы как правило не представляло: у кого-то огромная дыра в одежде указывала на лом или остриё багра, зачастую валявшихся тут же, у кого-то череп оказывался расколот – наверняка тем же топором. Ещё кто-то буквально плавал в лужах крови, сейчас, разумеется, высохшей, и превратившейся в отвратительно шелушащееся чёрное пятно на полу. У некоторых трупов из спины, или груди торчало что-то вроде рукояток от кухонных ножей. Из чего нетрудно было сделать вывод, что всё огнестрельное оружие кто-то предусмотрительно запер. Или ликвидировал. Впрочем, первый помощник мысленно сам себя поправил: не имелось на Станции никакого огнестрельного оружия! К моменту её открытия никто уже не верил в нападение «агрессивно настроенных» пришельцев. Или террористов.

Поскольку последние ещё не вышли в космос...

Доктор Людвиг подвёл мрачный итог:

– Лично у меня не осталось сомнений. Никаких «внешних» врагов. То есть – «зелёных человечков». Никаких болезней. Никакой смерти от старости или голода, или отсутствия воздуха из-за разгерметизации... Они перебили себя сами. Вон: в руках вон того и вон того до сих пор зажаты кухонные ножи, а под вон тем трупом – ломик с пожарного щита. А вон и кирка. Всё верно, сэр. Гражданская война.

– Интересно, почему они не пользовались лазерами, ракетницами, и гарпунами.

– А очень просто. Не хотели повреждать стены и двери, и нарушать таким образом герметичности Станции. – это высказался второй учёный, доктор Йошидо.

– Но... с чего бы это им так заботиться о герметичности Станции, если они всё равно перебили друг друга?

– Не знаю, сэр. Но могу догадаться. Наверняка так происходило оттого, что что-то... А вернее – *кого-то* они хотели сохранить во что бы то ни стало.

Несмотря даже на «гражданскую войну»!

– Но... Кого?

– Вероятней всего ответ на этот вопрос мы получим на пятом, самом нижнем этаже Станции. Где самые «надёжно» защищённые помещения. Да и Командный Центр располагался именно там.

Ответ на предположение доктора Йошидо и правда нашёлся именно в Командном Центре.

Прямо посередине обширного, хоть и несколько низковатого помещения, по периметру сплошь заставленному шкапами с документами, приборами, и компьютерным оборудованием, высился огромный ящик. Монументальный. Со всех сторон опутанный шлангами, проводами, и обвешанный приборами.

Саркофаг.

Две жёлтых лампочки на его передней панели до сих пор тускло светились, и от металлической коробки полтора на полтора на три метра исходило слабое гудение. Правда, ощутить это удалось лишь тогда, когда Гопкинс коснулся объекта рукой в перчатке: в ушах возник тихий равномерный гул. Первый помощник скомандовал:

– Доктор. Похоже, вы не ошиблись. Кого-то они тут сохранить пытались. И поскольку то, что имеется внутри – наверняка по вашей части, прошу вас.

Но Йошидо и сам уже заставил себя преодолеть странную скованность, и подойти поближе к агрегату. Счистить слой неизменной пыли с передней части иллюминатора на его верхней стороне. И заглянуть в расчищенное окошко.

Чтоб ответить, ему пришлось сглотнуть, и даже прочистить горло:

– Гхм-гм... Тэкс. Поистине, чудесная находка. Имеем одного погружённого в гиперсон пациента, сэр. Предположительно вполне живого. Данные приборов, – он поспешил повторно взглянуть на блёкло-зелёные цифры, выведенные проектором прямо на стекло иллюминатора, – говорят о... Нормальном состоянии.

К этому моменту и первый помощник подошёл и встал рядом с доктором. Однако при всём своём самообладании он не смог сдержать удивлённого возгласа:

– Чёрт!.. Это же – женщина!

– Вот именно, сэр, вот именно. И я даже боюсь предположить, какие трудности и проблемы нам эта находка создаст!

– В-смысле – проблемы?

– Ну как же! Если (Если!) нам удастся благополучно вывести её из гиперсна и оживить, и она действительно придёт в себя...

Мы ведь были в полёте почти двадцать лет! А мы – мужчины! В большинстве своём здоровые и сильные. И естественным желанием любого из нас будет в первую очередь – секс!.. С последней представительницей женского пола! И удержать многих из команды будет... Весьма затруднительно.

А у этой женщины сейчас в первую очередь должна быть *другая* функция.

Возродить вновь столь глупо вымеревшее человечество. То есть – никакого, вот именно, «беспорядочного» секса! А – только с теми, кого мы выберем для этой почётной и ответственной роли! То есть – умными и здоровыми!

Так что мы должны поберечь нашу единственную...

Еву!

– Разумеется, доктор. Вы абсолютно правы. Эта... женщина представляет сейчас поистине колоссальную ценность. И мы не можем допустить, чтоб члены нашей команды... – первый помощник прикусил язык, понимая, что его сейчас слышат все, кто задействован в операции, и те, кто остался на корабле, в рубке, – Э-э... Использовали её не по так чётко сформулированному вами «главному назначению». Хотя...

Она не кажется слишком уж привлекательной. Лицо не назовёшь миловидным.

– Думаю, сэр, в нашем случае это не будет иметь никакого значения.

– Согласен. Но в любом случае, все вопросы, связанные с её воскрешением и дальнейшим... *Функционированием* будет решать капитан.

– Господин старший лейтенант, – доктор Йошидо позволил себе криво усмехнуться про себя, но в его голосе это никак не проявилось, – Не нужно ставить вопрос *так*. Она – к сожалению! – не оборудование, которое должно, как вы выразились, «функционировать». И с «предназначением», которое мы собираемся ей предложить, а вернее – навязать, может не пожелать согласиться.

Ведь она – *женщина!!!*

Конечно, в её колоссальной ценности, что для нас, что для человечества у меня сомнений нет. Но с другой стороны было бы... Нетактично решать всё за неё. И сводить её роль к функции «человекоматки». Ведь она – тоже *личность*. Обладающая определёнными правами и в первую очередь – правом на свободу. Решений. Ведь мы – как ни крути, а члены – Социума! И подчиняемся Законам и нормам поведения. И у нас – демократия!

Поэтому мы ничего не можем ей навязать вопреки её воле! И она должна сама выбрать и принять то, что ей, вероятней всего, предстоит делать. И делать довольно долго.

Фактически – до конца её репродуктивного возраста.

– Хм-м... Согласен, доктор. Но не рано ли мы заговорили о её «решениях» и «правах»? В первую очередь нужно всё-таки воскресить её. И убедиться в том, что *сейчас* она способна зачать и выносить. И родить. Здоровое полноценное потомство. Все проблемы, связанные с её «решениями» и «правами» встанут только в этом случае!

Да и то – если она не очнётся полной идиоткой, или не сойдёт с ума, как иногда случается при выводе из гиперсна!

– Разумеется. В первую очередь – оживить. Это – важнее всего. Сохранив все функции организма.

И я, как специалист, продвигу здесь определённые проблемы. В частности, что энергопитание этого автоклава в настоящее время явно в критическом режиме. И нужно срочно подключить наши аккумуляторы к его цепям. Потому что несмотря на то, что лампочки и надписи – ещё жёлтые, и зелёные, горят они в полсилы. Или даже, скорее, в четверть накала. То есть – похоже, солнечные батареи и местные аккумуляторы уже не в состоянии поддерживать нормальное функционирование систем жизнеобеспечения. И резервное питание нужно подать как можно быстрее!

Первый помощник тоже треснул рукой в перчатке о затылочную часть шлема. Затем глянул на техника:

– Капрал. Вы слышали доктора. Найдите здесь, на приборном щитке этого автоклава, выводные клеммы для подключения наших резервных аккумуляторов. И немедленно подключите к ним наш третий резервный блок. Ни при каких обстоятельствах энергопитание этого... устройства не должно прерываться! Карпов, Дзорба! Принесите сюда этот блок из входного коридора.

Капралы отправились наверх, перенести тяжеленный кожух третьего резервного аккумулятора от входного тамбура, возле которого его, как и большую часть доставленного на Станцию оборудования, маленький отряд оставил пока – за ненадобностью. Техник с кряхтением опустился на колени, и принялся копать, и тыкать щупами тестера, в щитке на боковой

панели автоклава. Первый помощник неторопливо двинулся вокруг гудящего ящика, внимательно осматривая его кожух и периметр комнаты.

Внезапно он с возгласом удивления наклонился, подняв с пола покрытый инеем листок бумаги. Впрочем, при внимательном рассмотрении это оказалась не бумага, а кусок толстого картона, покрытый словами, написанными с большим нажимом обычной шариковой ручкой. Некоторое время Гопкинс хмурил брови, читая. Сказал:

– Доктор! Подойдите. – первый помощник говорил нарочито небрежно, но никого его предательски подрагивающий голос не обманул. Все сразу поняли, что Гопкинс нашёл что-то очень важное. Наверняка имеющее отношение и к усыпленной женщине и к катастрофе на Станции.

4. Завещание

Доктор Йошидо прочёл текст очень быстро, буквально за несколько секунд. Отреагировал весьма эмоционально:

– О-о! Вот как... Хм-м... Н-да. Думаю, мы можем смело зачитать это послание и остальным... нашим людям. Раз уж они уже узнали о найденной. Так, как мне представляется, будет честнее.

– Да, пожалуй. Тем более, что... Капитан, сэр! – первый помощник теперь обращался непосредственно к Пауэллу, который присутствовал, конечно, в рубке «Пронзающего», но до сих пор не вмешивался в действия своего подчинённого и первого заместителя, логично полагая, что тому на месте и виднее и сподручней принимать конкретные решения. – Прошу вашего разрешения огласить это... Завещание! Насколько я могу судить, оно... Важно. Особенно в контексте того разговора, который мы... – помощник не договорил, но не сомневался, что Пауэлл и так всё понял.

На некоторое время капитан взял паузу. Но прочтя текст, который Гопкинс поднёс к своей наплечной камере, согласился:

– Зачитывайте.

– Есть, сэр. Вот этот текст, уважаемые... э-э... соратники:

«Обращаюсь к нашим выжившим потомкам, или тем представителям Человечества, кто вернётся из экспедиций к звёздам. Ну, или к инопланетным существам, которые прилетят сюда, в солнечную систему.

Виновных в том, что вирус «Ковид-193» вырвался на свободу, в результате ли преступной халатности, или был применён сознательно, там, на Земле, найти так и не смогли. Бессмысленные и злобные обвинения со стороны правительств разных стран в адрес вероятных виновных подтвердить конкретными и неопровержимыми фактами и доказательствами не удалось. И все дни перед тем, как прекратились последние радиопередачи с Земли, на нашей родной планете царил вопиющий информационный хаос.

Однако беспочвенные домыслы и попытки прояснения этого вопроса послужили причиной возникновения конфликта и на нашей международной Станции.

В результате этого конфликта в живых остался только я, заместитель начальника Станции, профессор Каин Харак, и физик-ядерщик Нелли МакГоннегал. Однако в связи со вспыхнувшей и между нами ссорой, я взял на себя смелость принять следующее решение.

Первое. Усыпить с помощью снотворного Нелли МакГоннегал. И поместить её в саркофаг для гиперсна, как потенциальную продолжательницу человеческого рода.

Второе. Уничтожить все имеющиеся в моём распоряжении материалы, полученные нами с Земли в период с начала катастрофы, по сей день, и касающиеся попыток выяснения, кто виновен в произошедшей трагедии. Я посчитал, что эта крайне противоречивая и предвзятая информация ничего не проясняет, а только позорит так называемое Человечество. В глазах что его сыновей, отправившихся к звёздам во имя Блага этого самого Человечества, что инопланетян, прилетевших бы и пожелавших восстановить последовательность событий и причины чудовищной трагедии.

Третье. Перевести всё энергопитание Станции на поддержание функционирования автоклава с усыпленной.

Четвёртое, и последнее. Принять дозу цианистого калия, чтоб сэкономить энергию и кислород на моё, бессмысленное теперь, проживание здесь. Поскольку сам я уже не в состоянии «продолжить человеческий род». В связи с преклонным возрастом и климаксом.

Прощайте.

Надеюсь, вам с принятием решений будет легче.
Каин Харак.»

Некоторое, и довольно продолжительное, время после того, как стих чёткий и подчеркнuto нейтральный голос первого помощника, царила тишина.

Затем капитан Пауэлл сказал:

– Не могу не поразиться мужеству и рационализму заместителя начальника Лунной Станции. Он, несмотря на чудовищные трудности, и преклонный возраст, сделал то, что должен был сделать настоящий Человек с большой буквы. То есть – не стал вмешиваться в «разборки» тут, на Станции. И, загрузив женщину в саркофаг, самоустранился, завершив все дела, чтоб не... Потреблять лишний кислород и электроэнергию. И сохранил для нас возможность попытаться восстановить род человеческий.

И постарался предотвратить наши, или чьи-либо ещё попытки выяснить, кто виновен в произошедшей катастрофе. Сняв тем самым массу щекотливых вопросов, которые, и правда, могли бы возникнуть у членов нашей экспедиции. И частично нейтрализовал возникновение презрительного к нашей расе отношения, если бы сюда первыми добрались действительно – какие-нибудь инопланетяне. Но где он сам?

– Боюсь, сэр, что он – в своей каюте. Я нашёл его, просто проходя мимо, чисто случайно, поскольку именно его имя значилось на дверной табличке. Сама дверь была распахнута настежь. А тело лежало на кровати. Без видимых следов насильственной смерти. Да и лицо... Выглядело как бы... Умиротворённым!

– Ясно, старший техник Дассаев. Кстати, что там с их реактором?

– С реактором проблема, сэр. Но не техническая. Оборудование, насколько могу судить, не повреждено. Все механизмы и трубы в хорошем состоянии. Просто полностью «выгорело» ядерное топливо: стронций-234.

– То есть, если бы мы загрузили из наших запасов, реактор снова можно было бы запустить?

– В-принципе, оно бы так и было, сэр. – старший специалист по реактору не скрывал в тоне иронии, – Проблема только в том, что у нас, на борту «Пронзающего», нет этого самого стронция. А из того, что есть, синтезировать его невозможно. А применено здесь, в их мини-реакторе, именно это редкое топливо, насколько я понял, для того, чтоб при любых обстоятельствах избежать возможности сляпать из него бомбу!

– Хм-м... – но первый помощник думал недолго, – Следовательно, восстановить энерго-снабжение Станции в полном объёме не удастся в любом случае?

– Так точно, сэр. Реактор пуст, как бутылка из-под шампанского после Нового Года. Местные же аккумуляторы имеют заряд на пределе их живучести: ноль шестьдесят пять сотых процента. А то, что сейчас способны выдать солнечные батареи Станции, составляет не более чем четыре десятые процента от их изначальной мощности. Саморазрушение, сэр. Ну, и плюс пыль на наружных поверхностях. С вероятностью девяносто процентов через пару лет тут так и так обесточилось бы всё. Включая... э-э... саркофаг.

Следовательно, мы успели. Вскочить в последний вагон уходящего поезда.

– Да, это радует. Но непонятно, почему этот... Харак... Не предусмотрел такого?

– Осмелюсь предположить, сэр, что он не был специалистом ни по реакторам, ни по солнечным батареям, ни по автоматике. – это весьма сердитым тоном влез в разговор техник Ходжес, который всё ещё стоял на коленях перед панелью управления автоклава, продолжая что-то там замерять и переподключать, вполголоса ругаясь, – Да и по электричеству, если уж на то пошло, он специалистом не был! Он тут такого наподсоединял!..

Удивительно, как чёртов автоклав попросту не сгорел за все эти годы! Но сейчас всё в порядке. Всё будет работать ещё как минимум пятьсот дней. На столько нашей запасной батареи хватит. Ну-ка, чтоб я не вставал, кто-нибудь: посмотрите: нормально ли горят цифры?

– Отлично горят. Ярко и чётко. Спасибо, техник. Благодарю вас за оперативное устранение... Проблемы. И пусть мы пока не знаем, как нам оживить эту... усыпленную, в любом случае хотелось бы пока хотя бы – сохранить её. В целости.

– Согласен с вами, первый помощник, – в голосе капитана наконец прорезался начальственный тон. – И в связи с этим приказываю: доктор Кимуро и доктор Людвиг. Произведите, насколько возможно, тщательный осмотр тела усыпленной. Изучите все физиологические показатели. Разработайте и предложите как можно более безопасный способ её выведения из гиперсна. Такой, чтоб гарантировать... Хм. Нормальное «функционирование» её организма, как это обозначил уважаемый лейтенант Гопкинс.

– Есть, сэр. – доктор Людвиг, давно вошедший в Командный пункт Станции, но так и не взглянувший ни разу на женщину в стальном коробе, покачал головой, – Но какой бы план оживления мы, сэр, не предложили, одно могу сказать точно: оживлять её придётся *здесь!* На Станции. Потому что транспортировать этот саркофаг к нам на «Пронзающий» не удастся. Он просто не поместится в трюм посадочного модуля.

Следовательно, нужно будет обеспечить сюда и электропитание в нормальном объёме, и восстановить, хотя бы на этом Уровне Станции, нормальное атмосферное давление, комнатную температуру, да и кислород подвести. Ну, и так далее. Доктор Йошидо?

Доктор поспешил подтвердить выводы коллеги:

– Совершенно с вами согласен, доктор. Выбора у нас, собственно говоря, нет, сэр. Саркофаг не то, что в трюм модуля не войдёт, он и в эту дверь-то не пролезет! Оживлять её действительно придётся здесь. А для этого нужно, вот именно – обеспечить на этом Уровне нормальные бытовые и производственные условия. То есть, проще говоря, сделать всё, как на «Пронзающем» – и тепло, и воздух, и электричество, и всё остальное.

Капитан Пауэлл не колебался ни секунды:

– Внимание. Вот мой официальный приказ. Старший лейтенант Гопкинс. На вас, как на моего первого помощника, я возлагаю все работы по приведению нижнего и по возможности и двух ближайших Уровней Лунной Станции в условия штатного функционирования. Берите на борту нашего корабля любое необходимое для этого оборудование, подключайте всех нужных специалистов, и как можно быстрее приступайте. Организуйте все работы так, чтоб после «оживления» объекта мы могли забрать назад все наши механизмы, запасы, и оборудование. Плюс то, что наши инженеры найдут необходимым демонтировать и эвакуировать на корабль – уже со Станции.

Те, кто не занят непосредственно в этой операции, в частности, учёные и доктора, могут пока вернуться на борт «Пронзающего». Но только до того момента, когда все работы на Станции по её обустройству будут завершены. С этого времени вам, доктор Кимуро, и вам, доктор Людвиг, придётся неотлучно находиться именно там, возле саркофага. Вплоть до того момента, как операция по оживлению женщины будет успешно завершена.

Вопросы?

Вопрос нашёлся только у техника Ходжеса:

– Где моя крестовая отвёртка, чёрт бы её побрал?! А-а, вот она: пардон! Оказывается, я на ней сижусь...

В тренажёрном зале сегодня почему-то было оживлённей, чем обычно.

Мастерсу даже пришлось выстоять маленькую очередь в два человека, прежде чем он попал на тренажёр для икроножных мышц. Лейтенант Макс Иверсен, оказавшийся на соседнем тренажёре, весело бросил:

– Что, Джон, тоже стараешься привести себя в форму?

– В-смысле – в форму?

– Ну как же! Пф-пф... У всех наших только и разговоров, что об этой... найденной! Какая она красавица, и как бы ей понравится... Пф-пф... В-смысле – произвести неотразимое впечатление своими... Физическими кондициями! Чтоб именно с *ним* эта дама захотела зачать потомство!

Мастерс рассмеялся – вначале весело. Но потом до него дошло, что штурман и не думает шутить:

– Чёрт побери!.. А я-то думаю, чего это сегодня здесь народу, как сельдей в бочке! Вот уж не собирался. Участвовать. В кастинге на призового производителя!

– А зря. – было непонятно, шутит штурман, или говорит серьёзно, – Наш капитан славится своей «правильностью» и... Пф-пф... демократизмом. Вот все и вычислили, что он, разумеется, предоставит даме *самой* выбрать, с кем она захочет... Ну, то, что положено захотеть сделать для зачатия!

– Ага. Не сомневаюсь. Да, производитель для такого случая, конечно, должен быть призовой. С кубиками на прессе, и фигурой как у заправского культуриста... Но у меня есть два вопроса: первый – куда девать некрасивую морду такого качка, и его тупые мозги. И второй – удастся ли эту козу вот именно – воскресить. Как я понял из разговоров наших медиков, с этим проблемы.

– Да нет с этим никаких проблем. – это влез уже закончивший качать железо инженер Владимир Якушев, – Док Йошидо сказал, что автоклав в приличном состоянии, и тело тоже. Закачаны в неё всякие положенные криопротекторы, и всё такое прочее. Так что как только подведут ток, и воздух, и нагреют помещения – можно будет приступать.

К собственно оживлению.

– Блинн... – Джон невольно сглотнул, – Не знаю, как вы, а я так продвигу проблемы. Как бы наши особо молодые и рьяные не передрались. Как на рыцарском турнире в честь благородной незнакомки. Может, она как раз чего-нибудь такого и захочет! Типа, чтоб победил – сильнейший. И благороднейший! Достоянейший самец!

– Ха-ха! – Макс Иверсен наконец закончил, и повернулся лицом к нему, – Ты юморист, как погляжу. Где это ты нашёл у нас – «молодых и рьяных»?! Всем – минимум по сорок пять! Да и готов поспорить на свою еженедельную рюмку водки против поломанной зубочистки, что если эту леди действительно оживят, и дело дойдёт до драки, никаким «рыцарством» пахнуть не будет! Ребята будут готовы уложить противника любым способом. Хоть самым подлым и коварным! Ну как же!

Настоящая женщина – после двадцати лет с резиновой куклой!..

Это вам не хухры-мухры!

– Н-да, проблемы с методикой отбора первого «осеменителя» наверняка будут... – Джон, раздумавший качаться, слез с тренажёра, – И бедолаге Пауэллу придётся наверняка солоно. Не хотел бы я быть на его месте.

– А я, раз уж речь зашла об этом, не хотел бы быть на месте этой «леди». Представь, если с десятков наших особо озабоченных говнюков сговорятся, да и вломятся к ней.

Групповое изнасилование в этом случае гарантировано!

А уж какие от такого действия получатся дети – можете представить сами!..

Капитан Пауэлл вынул наушник из уха. Побарабанил пальцами правой руки по столешнице рабочего стола своей каюты, поёрзав на табурете.

С одной стороны он не пользовался системой прослушки, имевшейся на «Пронзающем», уже добрых десять лет: команда практически не давала ему поводов подозревать её членов в неповиновении, или «агрессивных» настроениях... (Тьфу-тьфу!)

С другой – хорошо, что всё-таки не приказал демонтировать. Потому что каких только возможных вариантов поведения запертых в течении двадцати лет в замкнутом пространстве половозрелых мужчин он сегодня не услышал... И все они имели определённую долю вероятности своего воплощения в жизнь. Включая даже столь глупый план, как похищение оживлённой, и бегство с ней на втором челноке на поверхность планеты.

Не-ет, простыми решениями тут не пахнет. Все слишком возбуждены. И так просто его людей с бойцовского настроения не сбить... Нужно что-то глобальное, радикальное, чтоб команда угомонилась. Отвлеклась. И сексуальные потребности отошли, хотя бы на время, на второй план. Говорят, в таких случаях хорошо помогает какая-нибудь...

Катастрофа!

При которой, разумеется, никто не должен пострадать. И тем более – погибнуть!

Ну и, разумеется, не должно безвозвратно пропасть никаких ценных ресурсов – таких, как кислород, топливо, вода... Но!

На устранение последствий которой можно было бы направить все силы!

Придётся, следовательно, поднапрячь воображение.

Доктор Эдди Маркс только-только забрался в бассейн с восхитительно тёплой водой, расположенный на заднем дворе его шикарной виллы на лазурном берегу, как вдруг в ушах возник оглушительный гул и грохот! Оглянувшись, он понял, что взорвался вулкан, находящийся в десятке километров от его виллы! Да что же это за?!..

Но шум и грохот в ушах всё усиливался и усиливался, заставляя уже зажимать уши ладонями, и даже открыть рот и заорать во всё горло. Чтoб уберечь барабанные перепонки от повреждения, а разум – от обморока!

Доктор обнаружил, что голова, оказывается, лежит на насквозь промокшей от его же пота подушке, а уши он и правда – зажимает!

Потому что с подволка неистово орёт сирена тревоги!

Пришлось вскочить, и ринуться со всей возможной скоростью к шкафчику с личной одеждой. Скафандр для внутренних работ сейчас как раз должен подойти – он и не такой громоздкий, как тот, для наружных, и влезть в него куда быстрее и проще! А поскольку гнусный голос автомата аварийной сигнализации не твердит «Разгерметизация корабля!», то можно и немного успокоиться, одевшись. И проследовав на штатное место своего расположения при тревоге. То есть – в шлюз номер А-2, у входа во второй спасательный модуль.

Поскольку доктор Маркс не имеет отношения к ремонту систем жизнеобеспечения корабля, и его двигательным установкам, он должен, согласно штатному расписанию, просто «не создавать помех техническому персоналу, непосредственно занимающемуся аварийным ремонтом, и одновременно быть готовым к экстренной эвакуации».

Внутри шлюза уже стоял доктор Кимура, сержант Лютер Вайс, он же – кок, а сразу за Марксом в шлюз вошёл и младший лейтенант Джером Гастингс, в обязанности которого как раз и входило пилотирование второго спасательного модуля-челнока, если бы в этом возникла необходимость.

Лейтенант первым делом протиснулся к дальней стене шлюза, и глянул в иллюминатор, имевшийся в торцевой двери, на трюм номер два.

– Слава Богу, наш спасательный модуль цел! Во-всяком случае, выглядит неповреждённым. Снаружи. – пилот утёр со лба крупные капли пота, – Проклятье! А вот про модуль номер один так при всём желании не скажешь!

– А... Что с ним, лейтенант? – у Маркса по позвоночнику пробежали мурашки, и голос как-то сразу охрип. Вероятно, от дурных предчувствий.

– Что с ним, что с ним... Взорвалась дюза его чёртова маршевого движка, будь она неладна! Разворотило всю корму, и вся палуба трюма в обломках и мусоре!

Слава Богу, цистерны с топливом и окислителем, вроде, не пострадали. А то мы так легко не отделались бы – выбило бы наружную переборку, и в трюме имелся бы чёртов вакуум! Хорошо что перегородка кормовой части модуля бронированная. Как и стены первого трюма – утечки кислорода, вроде, нет. Хоть в чём-то повезло!

– Вы всё это сами видели, лейтенант?

– Да уж конечно – через центральный монитор нашей рубки! Так получилось, что была моя вахта, и пока в камеру внутреннего обзора трюма не угодил какой-то осколочек, размером с добрый кирпич, чёртов взрыв я пронаблюдал во всей, как говорится, красе!.. Так что сейчас у нашего «технического персонала» будет масса проблем и хлопот! Уборочкой придётся заняться капитально! А вот насчёт отремонтировать... Ну, запасной-то маршевый движок на складе есть. Поскольку дюза уж точно ремонту не подлежит...

Но вот расчистка и установка... Минимум – неделя!

Доктор Йошидо посмотрел на доктора Маркса. И у того сразу возникло подозрение, что и в его голове промелькнула молнией та же самая мысль: «Уж больно «вовремя» взорвался этот самый первый модуль!» Именно он был постоянно «на ходу». И именно его рабочее состояние систематически поддерживали технические службы и специалисты «Пронзающего».

И на чём же теперь прикажете лететь специалистам по «оживлению» на Лунную Станцию?! Ведь чтобы полностью «технически обслужить» и привести в рабочее состояние пусть и целый, и проверенный второй модуль, тоже понадобится – не менее двух суток! Не говоря уж о том, что на устранение того безобразия, что сейчас царит в трюме номер один, и установку нового маршевого движка уйдёт как минимум втрое больше времени! Хорошо хоть, что трюмы отделены друг от друга, от жилой зоны корабля, и от космоса – броневыми переборками...

Но почему?!

Почему отлично подготовленный, аккуратно «обслуживаемый», и часто использовавшийся движок модуля вдруг взорвался?!

Случайность... Или диверсия?!

Но кому такая диверсия могла понадобиться?! И – главное! – для чего?

Впрочем, долго мудрить над ответом доктору Марксу не пришлось. Правда вот, никому не скажешь о мысли, в первую очередь проникшей в голову.

Капитану это выгодно!

Чтоб до чёртовой «оживляемой» как можно дольше никто не мог добраться!

С другой стороны, какой бы смысл всем этим озабоченным кобелям до неё сейчас добираться – ведь она ещё заморожена, похлеще какой-нибудь жабы в сибирской вечной мерзлоте? Да и когда её за пару-тройку суток (Так обещает док Людвиг!) разморозят, понадобится как минимум ещё дней пять, чтоб все «функции её организма» пришли в надлежащую, стабильную, форму. То есть – сама по-себе разморозка – тот ещё стресс. Как для тела, так и для психики «воскрешаемого». А уж для женщины – и подавно! Так что команда не может не понимать, что минимум неделю после начала операции контактировать, не говоря уж о «заниматься сексом» с дамой будет категорически нельзя.

Что не отменяет, конечно, «очень хочется!» Все половозрелые кобели их экипажа сейчас напоминают ему вождельно облизывающихся котов, наматывающих круги вокруг банки со сметаной! Накрытой пока стеклянным колпаком.

Сирена наконец заткнулась. Зашипела внутренняя трансляция, и капитан Пауэлл сообщил:

– Капитан в рубке. Согласно приборам, непосредственной угрозы жизни экипажа нет. Однако! Тот факт, что нас... э-э... подвёл, да ещё в столь важный момент, маршевый двигатель нашего дежурного челнока, заставляет беспокоиться. И задуматься.

Над надёжностью и нормальной работой *всего* нашего оборудования!

И если раньше мы могли руководствоваться мыслями такого плана, что «вот долетим до дома, а там уж техники и инженеры доков Истсайда подлатают наш «Пронзающий» капитально, и заменят все выработавшие свой ресурс механизмы и коммуникации», теперь такими приоритетами руководствоваться нельзя!

Потому что нам предстоит жить здесь. И, вероятней всего, хотя бы первые годы выращивать наше потомство здесь же. На нашем корабле.

И всё здесь мы должны отремонтировать, и подготовить к новым, гораздо более продолжительным, условиям работы! Потому что ни на какие другие помещения или места обитания нам надеяться смысла нет. Станция на Луне тоже отпадает – там нет электричества. И тяготение в ноль восемнадцать от стандартного приведёт наши мышцы в такой тонус, что планеты нам станут недоступны! Из-за банальной атрофии этих самых мышц.

И – главное.

Мы не можем допустить, чтоб жизни женщины, которую мы планируем, разморозив, перевести сюда, угрожала даже малейшая опасность. Поэтому: приказываю.

Первое. Всем, кто отвечает за непосредственное техническое обслуживание первого посадочного модуля и его дока, немедленно приступить к его ремонту, и уборке помещения. Желательно закончить работы по монтажу нового маршевого двигателя в течении недели. Второе. Всем остальным. Приступить к самому тщательному осмотру вверенных их заботам участков, и имеющихся на них механизмов и агрегатов. Заменить все ненадёжные детали на новые. С целью предотвращения возможных отказов и поломок. Тщательно отремонтировать старые, демонтированные ранее, детали. В настоящее время хранящиеся на складе. Мы должны, повторяю, предотвратить даже намёки на возможные неисправности на нашем «Пронзающем»! Всё должно работать, как швейцарские часы!

Потому что, повторяю в третий раз, именно здесь нам предстоит жить весьма долго. И растить наших детей. И, вероятней всего, детей их детей. И учить их. Ремонту корабля. Ну, и всему, что знаем.

Приступить к выполнению.

Докладывать по мере выполнения *всех* операций по ремонту и техобслуживанию.

5. Технические проблемы

Техник по системам охлаждения и криооборудованию Джон Картрайт матерился уже вслух.

С охлаждающими установками чёртова реактора, да и, если уж на то пошло, холодильниками камбуза всегда были проблемы. А теперь получается, всё это жутко ненадёжное, и на пределе живучести работающее барахло, придётся уговаривать, чтоб оно проработало ещё хотя бы как минимум столько же лет, сколько уже продержалось!

Это вообще – нереально! Что бы там не думал капитан.

Поэтому вытерев руки о стоящую колом от долгого использования масляную тряпку, в которую превратился за двадцать лет фартук с карманами для инструментов, Джон направился напрямик к каюте Пауэлла.

На его аккуратный стук изнутри послышалось:

– Войдите!

– Здравия желаю, капитан, сэр!

– Здравия желаю, техник. Проходите, садитесь.

Сам Пауэлл, вставший из-за стола, тоже опустился на стул во главе этого самого стола для планёрок. Картрайт, пройдя к первому креслу справа от капитана, опустился на него:

– Капитан, сэр. У моего подразделения проблемы.

– Я внимательно слушаю вас, техник.

– Мы со старшим техником Дассаевым и капралом Гринвичем долго совещались. И пришли к неутешительному выводу. Охлаждение реактора не продержится дольше пяти лет. Сгнили, из-за аварии, в которой тогда погибли наши люди, и от действия охлаждающего раствора, трубы второго контура. Их стенки сейчас по данным ультразвукового сканнера, не толще пяти миллиметров. А были – двадцать!

А у нас на складе этих труб больше нет!

И ещё. Холодильные камеры камбуза примерно в таком же паршивом состоянии. А к ним запасных контуров или змеевиков даже нет на складе. Не предусмотрено. Потому что умники из проектного отдела рассчитали, что тридцать-то лет они прослужат. А затем их просто заменят. В доках, при капремонте корабля.

– Так-с... – Пауэлл побарабанил, как он это всегда делал в случаях затруднений, пальцами по столешнице, – Ваши предложения? Ведь я правильно понял – вы что-то придумали? Иначе не пришли бы?

– Э-э... Совершенно верно, сэр. Придумали. Вернее, это Дассаев придумал. Он предложил снять трубы с контуров охлаждения Лунной Станции, и перетащить к нам. Выкинуть наши, а поставить станционные. Поскольку реактор Лунной Станции мы уж точно запустить не сможем, там эти трубы теперь не понадобятся! А нам они позволят прожить более-менее спокойно ещё как минимум тридцать лет! Их состояние, по оценке техника Дассаева, удовлетворительное!

– Хорошее предложение. Действительно, лучше заменить изношенные и корродировавшие трубы на те, что ещё в рабочем состоянии. Но... Подойдут ли они для нашего реактора? Ведь на Станции – миниреактор?

– Подойдут, сэр. Реакторы практически однотипны, только размер и горючее рабочей зоны другое. Эти реакторы строили фактически одновременно, и большая часть конструктивных решений, и технических характеристик, и даже основные габариты для условий Космоса у этих моделей – типовые. То есть – стандартизированные. Так делали, именно, как раз для того, чтоб при случае – заменять детали, узлы, или даже целые блоки. Только вот...

– Да, Картрайт?

– Только вот на время такого ремонта нам придётся останавливать наш реактор минимум на трое суток, и спускать из системы всю циркулирующую там сейчас кипящую жидкость! А без реактора нам придётся сидеть только на аварийном освещении. Ну а с ремонтом холодильников камбуза... Проблем не будет. Заменим на то, что добудем на Лунной Станции. Постепенно. По очереди.

– Понятно. – капитан кивнул, нахмуренные брови сказали Джону, что проблемку он подбросил начальству ту ещё, – И сколько времени уйдёт на демонтаж и транспортировку запасных труб со Станции? И демонтаж наших, и установку добытых?

– Ну, поскольку их реактор холодный, и сохранять жидкость не нужно, думаю, если у нас будет человек пять помощников, управимся за пару суток. Ну, плюс ещё несколько часов на погрузку и перелёты. И, как я уже доложил – три дня на установку на наш.

– Удовлетворительно. Что ж. Приступайте к подготовке. Грузите на борт второго челнока все необходимые инструменты и оборудование. Я скажу первому помощнику, чтоб выделил вашей группе ещё пятерых человек для оказания непосредственной, так сказать, и чисто физической, помощи. Там, на Станции. И здесь.

Скажу и о том, что вашей работе придаётся первостепенное значение. Потому что без электричества, которое даёт наш реактор, «Пронзающий» – просто кусок металла, летящий по орбите. Но!

Как я уже говорил, сделать всё это нужно будет до того, как наши доктора разморозят и переправят к нам на борт эту женщину. То есть – как только будет закончен профилактика и расконсервация второго челнока – сразу и вылетайте. Думаю, за ближайшие двенадцать часов вы успеете погрузить в его трюм всё, что понадобится для демонтажа.

Да, техник! Заодно посмотрите на их складе – если найдёте что-то, что будет нужно вашему, или другому техническому подразделению – тоже грузите! Да вообще – всё грузите и демонтируйте, что покажется вам полезным и необходимым! Ну а кроме того, вы – не первый, кто приходит ко мне с подобными проблемами. Так что представители других подразделений тоже будут помогать вам... Очищать склад Станции. Подчистую.

И это разумное и правильное решение.

Потому что на Лунную Станцию мы вряд ли вернёмся.

Но кроме деталей и механизмов забрать оттуда нам ничего не удастся.

Потому что профессор Харак уничтожил не только матричные платы всех компьютеров, но и запасные платы, и флэш-носители. Даже на складе.

Так что будем беречь как зеницу ока наш центральный Компьютер.

Для него запчастей нет!

Доктор Эдди Маркс хмурился.

От этого чёртовы очки сползали на кончик носа ещё чаще, чем обычно, но он поправлял их уже автоматически – не задумываясь. Поскольку было не до них!

Вот уж задачу поставил перед ним капитан!

Обеспечить «размороженную» полноценной, и обогащённой витаминами едой!

А где прикажете её взять – эту самую «витаминизированную» еду?! Впрочем...

Он подошёл к коммуникатору, и позвонил прямо капитану. В его каюту.

– Капитан слушает.

– Это доктор Маркс, сэр. Вы приказали обеспечить размораживаемую витаминами...

Мне вот кое-что пришло в голову.

– Да, доктор?

– Из наших запасов не осталось ничего: мы надеялись на ресурсы Земли. Но!

У нас в холодильниках имеются запасы зерна. На случай, если б мы нашли подходящую планету, и попробовали вырастить земные растения в новой почве. А поскольку такой планеты мы не нашли, эти запасы нетронуты. Вы не будете возражать, если я попробую прорастить семена имеющейся там пшеницы, да и скормить нашей... э-э... подопечной эти ростки? Согласно заверениям учёных, как раз в таких молодых ростках очень много витаминов! Можно будет сделать из них нечто вроде... Салата.

– Хм-м... Не возражаю. Сколько там зерна?

– Около килограмма, сэр.

– Хорошо. Попробуйте для начала прорастить грамм двести. Прорастите и ещё каких-нибудь зёрен. Скажем, овса. Столько же.

– Есть, сэр. Тогда... У меня всё.

– Хорошо. Отбой. – капитан повесил трубку. Доктор Маркс тоже.

Так, нашёл он себе работёнку. Теперь нужно найти широкую плоскую кювету, и насыпать на дно немного перегноя. И высадить чёртовы семена. А они двадцать лет лежали в холодильниках. Прорастут ли?.. И как их поливать? И сколько держать под лампами? И сколько ждать, пока пустят ростки? И до какой высоты дать им дорасти, прежде чем срезать?

Вот заботу он себе нашёл!

Но чего не сделаешь ради... Женщины!

Техник Ходжес во второй прилёт на Луну чувствовал себя почти как дома.

Двери внешнего шлюза открылись легко, а на нижнем уровне Станции калориферы нагрели запущенный в рубку из баллонов воздух почти до нуля градусов. Единственная проблема – пришлось повозиться и с внутренними, межуровневыми, шлюзами, и «техобслужить» и их – чтоб драгоценный воздух не выходил из помещения с саркофагом.

Пока оба доктора, Кимура и Людвиг, совещались, тыкая пальцами в цифры на передней панели саркофага, и в тело своей подопечной, Ходжес решил переговорить с группой, направленной на демонтаж труб местного реактора:

– Алло, здесь техник Ходжес. Вызываю старшего техника Дассаева. Как у вас там дела? – в наушнике щёлкнуло, и зазвучал слегка задыхающийся, вероятно, от усилий, голос Рашида Дассаева:

– Нормально дела, спасибо. Как движется разморозка?

– Спасибо, тоже неплохо. Наши доктора уже потыкали в даму пальцами, и даже сошлись на том, что её возраст, вероятно, позволит ей родить не менее десяти раз.

– Отлично! Будем надеяться, что капитан всё же решит разыгрывать очерёдность оплодотворения по жребью. Тогда и у меня есть шансы. – на это замечание Ходжес успел только пару раз хихикнуть, поскольку прыщавая физиономия старшего по обслуживанию реактора специалиста уже стала притчей во языцех, но вдруг в их разговор вклинился доктор Кимура:

– Уважаемый техник Ходжес. Вы позволите оторвать вас от содержательнейшего разговора с вашим коллегой? И пригласить к пульта управления этого автоклава. Потому что настало время начать, собственно, разморозку!

Вздохнув, Ходжес подошёл к панели. Опустился на колени. Сказал:

– Разумеется, позволю. Приношу извинения за то, что отвлекал вас досужими разговорами. Мне просто хотелось узнать, как там обстоит дело с демонтажем труб реактора.

– Нормально оно обстоит, Ходжес. – Дассаев тоже посмеивался, – но всё это фигня по сравнению с вашей с уважаемыми докторами работёнкой! Готов поспорить на дохлого таракана против канистры спирта, что и все ребята, кто сейчас с нами, и те, кто потрошит местный склад, даже дыхание затаили, только б не упустить ни одной детали из предстоящего вам... Действия!

Потому что если что-то пойдёт не так, накроются медным тазом все наши страдания, старания и заботы! И поглотит великий Космос навсегда цивилизацию жалких людишек с планеты Земля!.. А тогда смысл наше...

Старшего техника прервал весьма сердитый голос первого помощника, стоявшего возле саркофага, но ни во что пока не вмешивающегося, и осуществлявшего «общее руководство операцией»:

– Уважаемые коллеги. Считаю плоский юмор и беспредметные разговоры неуместными в данной ситуации. Поэтому приказываю. Прекратить разговоры, не относящиеся непосредственно к делам, которыми занят каждый специалист. И заняться, вот именно – делами.

– Есть, сэр!

– Есть, сэр!

Разморозить девушку, как её называл доктор Кимура, удалось пусть не за два-три, но за четыре дня. Всё это время оба доктора и техник неотступно находились в рубке Станции, и спали посменно. Сама Лунная Станция в это время медленно но верно превращалась в гулкое, и пустое от механизмов, коммуникаций, и запчастей, пространство. А вернее – в саркофаг. Потому что все тела и скелеты капитан приказал отнести в местный спортзал. Поскольку только оттуда было нечего забрать.

Переносить эти тела на «Пронзающий» Пауэлл посчитал бессмысленным, поскольку предать их, как положено, земле, наверняка не удалось бы. После того, как оказались окончены все работы по демонтажу-переносу, первый помощник лично провёл символический обряд погребения. Прочтя над телами молитву, и отдав честь.

– Ну, если теперь что здесь, на Станции, и сохранится лучше всего, так это – как раз эти скелеты. Поскольку кости в вакууме не гниют.

– Не нужно иронизировать, сержант Дрейк. Раз поверхность планеты нам заказана, лучшего места последнего упокоения, чем эта Станция, для них не найти!

– Да, сэр. – сержант покивал. Затем сказал, – Мы перенесли её койку и все остальные личные вещи из её каюты. Может, ей понадобится ещё какая-нибудь одежда? Или бумажные книги? Или, может, картины, или фотографии какие. Разных мест. Тут, в-принципе, остались. В других каютах.

– Хм-м... Правильная, как мне представляется, мысль. Перенесите *все* книги, какие найдёте. Пусть они и дублируют нашу электронную библиотеку, но... Некоторые люди до сих пор предпочитают их. И читать, и просто ощущать в руках. Действуйте.

– Есть, сэр.

Сержант ушёл, Гопкинс направился в рубку.

Момент, который он там застал, принято называть решающим.

Техник Ходжес, лицо которого стало почему-то красным, как у варёного рака, во все глаза пялился на нагую до пояса сидящую на кромке ящика фигуру, которую с обеих сторон поддерживали под руки оба доктора, а глаза на сером и влажном от пота лице оживляемой как раз открылись. Словно два раскалённых гвоздя они впились в глаза первого помощника.

Женщина открыла рот. Но голос отказался ей повиноваться. Она сглотнула. Сердито что-то промычала. Снова открыла словно сведённый судорогой рот. Голос, скорее, не звучал, а шипел. Но тон оказался весьма злобным и с налётом горечи.

Но фраза, прозвучавшая очень тихо, оказалась тем не менее очень разборчива:

– Мне плевать на мой «долг перед всеми людьми»!

И ни с кем я трахаться для «продолжения рода» не буду!!!

Челюсть у лейтенанта Гопкинса отпала до груди как-то сама-с собой. Глаза выпучились. А слова буквально застряли в горле. (забыл он как-то о своём «самообладании офицера»)

Похоже, ступор охватил и обеих, тоже пооткрывавших рты, докторов. В отличии от техника Ходжеса, «просёкшем» юмор ситуации:

– Вот уж сказано от души, и чертовски конкретно! Уважаю! Ну, с добрым утром, леди! – техник не придумал ничего лучше, как не вставая с колен, помахать даме ручкой.

– Здравствуй... те. Кх-кх. Вы – кх...то? – она снова сглотнула, голос постепенно набирал силу и звучал громче.

– Я – техник Иезекия Ходжес. Это – первый помощник нашего капитана, старший лейтенант Эндрю Гопкинс. А те двое мужчин, что вас сейчас поддерживают – доктор Ганс Людвиг, и доктор Йошидо Кимура. Именно их стараниям вы и обязаны своему успешному воскрешению!

6. Пробуждение

– Что ж. За ваши «старания», вам, конечно, спасибо... – дама по очереди бросила взгляд на одного и другого докторов. Правда, особой благодарностью её взгляд отнюдь не пылал, – Значит, это всё же произошло... – теперь тон был задумчивым, голос звучал чуть громче, – И – сколько?

– Что – сколько?

– Сколько я... спала?

– Вы, уважаемая Нелли, спали около семидесяти пяти лет. – в диалог вступил наконец и первый помощник, – Но наши уважаемые доктора заверяют, что ваш возраст практически не изменился от того, в котором вы были, когда вас... э-э... усыпили.

– Сволочь! – на лице женщины снова прорезалась целая гамма эмоций, – Вот ведь гад! Мерзкий ублюдок!

– Простите, мисс, я вам, вроде, ничего плохого пока не...

– Да это я не о вас, лейтенант. – она досадливо махнула ручкой, дёрнув бледным плечом, – Не помню вашего имени. А про этого старого козла – Харака! Тварь. Он, значит, подсыпал-таки мне снотворного! И изнасиловал!

– Прошу прощения, милая леди, но это нереально. – это вклинился доктор Йошидо, – Вы ведь в курсе, сколько ему было тогда лет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.